

BYZANTINO-TAURICA

2

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2024



BYZANTINOTAURICA

ISSN 2949-6136



BYZANTINOTAURICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE AND MEDITERRANEAN STUDIES

2

ISSN 2949-6136

VOL. 2

2024

Sevastopol,Simferopol
2024

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда издательство

Севастополь, Симферополь
2024

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

Ежегодный журнал

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Севастополь, Симферополь: Н.Орiанда.

2024. Т. 2. — 2024. — 348 с., ил.

ISSN 2949–6136

Во втором томе журнала представлены работы, посвященные различным аспектам истории и культуры Византии, Причерноморья, Средиземноморья, Кавказа и Руси в позднеантичный и средневековый период. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья и Византии.

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

ISSN 2949–6136
9 772949 613009 >

© Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© «Н.Орiанда», макет, 2024

Редакционная коллегия

Сергей Павлович Карпов (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич Болгов — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»;

Сергей Геннадиевич Бочаров — кандидат исторических наук, доцент, директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна Кущ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Юрий Миронович Могаричев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН;

Константин Александрович Панченко — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Александр Васильевич Подосинов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ло-

моносова; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич Бухарин — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Николаевич Крадин — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН;

Андреа Нанетти — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция); Наньянский технологический университет (Сингапур);

Владимир Дмитриевич Нечаев — доктор политических наук; ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);

Михаил Борисович Пиотровский — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Ирина Федоровна Попова — член-корреспондент РАН; директор Института восточных рукописей (Санкт-Петербург);

Славенко Терзич — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial Board
Editors

Sergey Karpov (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Nikolay Bolgov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Senior Researcher of the Centre for Digital Technologies in Historical and Archaeological Research of Sevastopol State University;

Sergey Bocharov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Archaeological Research Centre of Sevastopol State University; Leading Researcher of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Mikhail Gratsianskiy — PhD, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University;

Tatiana Kushch — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy Mogarichev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Humanity and Social Science of the Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education;

Constantin Panchenko — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Near and Middle Eastern History of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University;

Alexander Podosinov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay Bystritskiy (Editorial Secretary) — Candidate of Sciences (History); Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black See Region of Sevastopol State University.

Editorial Advisory Board

Mikhail Bukharin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Sergey Kradin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;

Andrea Nanetti — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice); Nanyang Technological University (Singapore);

Vladimir Nechaev — Doctor of Political Sciences; Rector of Sevastopol State University;

Mikhail Piotrovsky — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Irina Popova — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg);

Slavenko Terzić — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade).

Содержание

Восток и Запад: евразийское измерение в Средние века

И.Ф. Попова (Санкт-Петербург)
Установление первых прямых контактов Китая с Европой (XIII век)... 13

Восток и Запад Средиземноморья в позднеантичный и средневизантийский периоды

Н.Н. Болгов, Е.П. Славогородская, А.М. Болгова (Белгород)
Интеллектуалы римской и ранневизантийской Ликии..... 21
Е.В. Литовченко (Белгород)
«Я избегаю длинных путешествий»: деловые и частные поездки в поздней Античности (по эпистолярию Квинта Аврелия Симмаха).... 36
М.В. Грацианский (Москва)
Церковный мир 433 г. и римская кафедра..... 46
Н.А. Гудков (Белгород)
Узурпация Флавия Иоанна 423–425 гг. в контексте взаимоотношений восточноримского и западноримского двора. 71
В.В. Прудников (Москва)
Норманны, тюрки-сельджуки и римляне на перекрестках традиций в хрониках итало-норманнских авторов конца XI в..... 81

Таврика в византийский и генуэзский периоды: история и археология

С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц (Санкт-Петербург)
Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения..... 95
В.П. Кирилко (Симферополь)
Полы в средневековых храмах Южнобережного Крыма..... 137
А.А. Роменский (Севастополь)
Ромеи и «обитатели Севера»: идентичность и этнокультурные контакты в византийской Юго-Западной Таврике..... 172
П.В. Кузенков, Ю.М. Могаричев (Севастополь, Симферополь)
Католические миссии в Горной Юго-Западной Таврике во второй половине XIII в.: к постановке проблемы..... 195
Н.П. Турова (Симферополь)
Казалии Готии второй половины XIV–XV вв.: материалы к археологической карте муниципального округа Ялта 217

Византийская зона влияния:
исторические и археологические аспекты истории Руси и Кавказа

Ш.М. Хапизов (Махачкала)
Царство Сарир («Авар») в X–XIII вв. — независимое государство или вассал государства ромеев? (К вопросу о границах и внешнеполитической ориентации)..... 271
С.В. Шполянский (Москва)
Металлические накладки с растительным декором в материальной культуре Московской Руси во второй половине XIV–XV вв.: археологический контекст и восточно-средиземноморские влияния..... 288

Цифровые методы в исторической науке: теория и практика

Н.И. Быстрицкий (Москва)
Применение искусственного интеллекта для развития исторического знания: перспективы и ограничения 303
Э.Н. Карнаушенко (Севастополь)
Мозаика северной пристройки херсонесской Базилики в базилике: символика, композиция, реконструкция 317

Рецензия

А.А. Роменский (Севастополь)
Хронология и территория Руси X в.: спорные вопросы. Рецензия на книгу: Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 гг.). М.: Аквилон, 2020. 560 с. 328

Contents

East and West: The Eurasian Dimension in the Middle Ages

Irina F. Popova (Saint-Petersburg)
The Rise of the First Direct Contacts Between China and Europe (13th C.) 13

East and West of the Mediterranean in the Late Antique and Middle Byzantine Periods

Nikolay N. Bolgov, Ekaterina P. Slavogorodskaya, Anna M. Bolgova (Belgorod)
Intellectuals of Roman and Early Byzantine Lycia 21
Elena V. Litovchenko (Belgorod)
"I Avoid Long Journeys": Business and Private Travel in Late Antiquity (from the Epistolary of Quintus Aurelius Symmachus) 36
Mikhail V. Gratsianskiy (Moscow)
The Church Peace of 433 and the Roman See 46
Nikita A. Gudkov (Belgorod)
The Usurpation of Flavius John 423–425 in the Context of Relations between the Eastern and Western Roman Courts 71
Vitaliy V. Prudnikov (Moscow)
Normans, Seljuk Turks and Romans at the Crossroads of Traditions in the Chronicles of Italo-Norman Authors of the End of the 11th Century 81

Taurica in the Byzantine and Genoese Periods: History and Archaeology

Svetlana B. Adaksina, Victor L. Myts (Saint-Petersburg)
A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance 95
Vladimir P. Kirilko (Simferopol)
Floors in Medieval Churches of South Coast of Crimea 137
Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Romans and "The Residents of the North": Identity and Ethnocultural Contacts in the Byzantine South-Western Taurica 172
Pavel V. Kuzenkov (Sevastopol), **Yuriy M. Mogarichev** (Simferopol)
Catholic Missions in the Mountainous South-Western Taurica in the 2nd Half of the 13th Century: Towards the Formulation of the Problem 195
Natalia P. Turova (Simferopol)
Casalia of Gothia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Materials for the Archaeological Map of the Yalta Municipal District 217

Byzantine Zone of Influence:
Historical and Archaeological Aspects of the History of Rus' and the Caucasus

Shahban M. Khapizov (Mahachkala)
The Kingdom of Sarir ("Avar") in the 10th–13th Centuries: An Independent State or a Vassal of the State of the Romans? (The Issue of Borders and Foreign Policy Orientation Revisited) 271
Sergey V. Shpolyanskiy (Moscow)
Metal Overlays with Floral Decoration in the Material Culture of Moscow Russia in the Second Half of the 14th–15th Centuries: Archaeological Context and Eastern Mediterranean Influences 288

Digital Methods in Historical Science: Theory and Practice

Nikolay I. Bystritskiy (Moscow)
Application of Artificial Intelligence for the Development of Historical Knowledge: Prospects and Limitations 303
Ella N. Karnaushenko (Sevastopol)
Mosaic of the Northern Extension of the Chersonesos 'Basilica in the basilica': Symbolism, Composition, Reconstruction 317

Review

Alexandr A. Romensky (Sevastopol)
Chronology and Territory of Rus' in the 10th Century: Controversial Issues. Book review: Shchavelev, A.S. Chronotop derzhavy Riurikovichei (911–987). Moscow: Aquilon, 2020. 560 p. 328

BYZANTINOTAURICA
Журнал византийских и средиземноморских исследований
ISSN 2949–6136
2024. Т. 2
С. 95–136



BYZANTINOTAURICA
The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies
ISSN 2949–6136
Vol. 2: 2024
P. 95–136

Научная статья

Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения

Светлана Борисовна Адаксина[1], Виктор Леонидович Мыц[2]

[1] Заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа, Государственный Эрмитаж, ул. Дворцовая набережная, д. 34, 190000 Санкт-Петербург; s_adaxina@mail.ru
[2] Доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник; Отдел архитектурной археологии; Государственный Эрмитаж; ул. Заусадебная, д. 37, 197183 Санкт-Петербург; vic.mytz@yandex.com

Аннотация: Динамичное культурное развитие Византийской империи на протяжении IX–XI вв. по времени совпало с правлением Македонской династии (867–1056) и поэтому данный период в историографии получил название «Македонского возрождения». В ходе изучения 25 христианских памятников Византийской Таврики исследователям удалось выявить признаки обновления церковной архитектуры IX–XI вв. Помимо появления крестообразных и крестово-купольных храмов, провинциальным феноменом архитектуры Таврики этого периода является строительство базилик, открытых в ходе раскопок Херсона, Мангупа, Пампук-Кая, Алустона и Партенита. Одним из наиболее ярких и выразительных крымских памятников периода Македонского возрождения X–XI вв. является Партенитская базилика, последний раз восстановленная в 1427 г. митрополитом Готии Дамианом.

Ключевые слова: Византийская Таврика, Македонское возрождение, Херсон, Готия, Мангуп, Партенитская базилика, митрополит Дамиан.

© Адаксина С.Б., Мыц В.Л., 2024

Цитирование: *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Храм святых апостолов Петра и Павла в Партените — византийский памятник X–XI вв., периода Македонского возрождения // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2024. Т. 2. С. 95–136.

Original article

The Church of the Holy Apostles Peter and Paul in Parthenite: A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance

Svetlana B. Adaksina[1], Victor L. Myts[2]

[1] Deputy General Director; State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya Embankment str., 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation; s_adaxina@mail.ru

[2] Doctor of Sciences (History); Leading Researcher; Department of Architectural Archaeology; State Hermitage Museum; 37 Zausadebnaya str., 197183 Saint-Petersburg, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Abstract: The dynamic cultural development of the Byzantine Empire during the 9th–11th centuries coincided with the reign of the Macedonian Dynasty (867–1056) and therefore this period in historiography was called "Macedonian Renaissance". During the study of 25 Christian monuments of Byzantine Taurica, researchers identified signs of renewal of church architecture of the 9th–11th centuries. In addition to the appearance of cruciform and cross-domed temples, the provincial phenomenon of the Taurian architecture of this period is the construction of basilicas discovered during the excavations of Kherson, Mangup, Pampuk-Kai, Aluston and Parthenite. One of the most striking and expressive Crimean monuments of the period of the Macedonian Renaissance of the 9th–11th centuries is the Parthenite Basilica, restored for the last time in 1427 by Metropolitan Damian of Gothia.

Keywords: Byzantine Taurica, Macedonian Renaissance, Kherson, Gothia, Mangup, Parthenite Basilica, Metropolitan Damian.

For citation: Adaksina, S.B., and Myts, V.L. "A Byzantine Monument of the 10th–11th Centuries, the Period of the Macedonian Renaissance." *Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 2 (2024). P. 95–136 (in Russian).

Возвращение в 843 г. Византии к иконопочитанию[1] способствовало необычайному культурному подъему на всей территории православного

[1] 11 марта 843 г. в Св. Софии Константинопольской состоялось особенно торжественное богослужение, посвященное возвращению к почитанию икон. Это событие положило начало ежегодному празднику «Торжества Православия».

© Adaksina, S.B., and Myts, V.L., 2024

государства. Динамичное развитие Восточной империи на протяжении IX–XI вв. по времени совпало с правлением Македонской династии (867–1056). Поэтому данный период истории Византии получил в историографии название «Македонского ренессанса» (или возрождения)[2]. В то же время некоторые ученые (например, Поль Лемерль) предпочитали называть его «вторым золотым веком» Византийской империи[3].

Завершение иконоборческих споров привело к усилению государства, способствуя установлению реальной власти над своими старыми провинциями путем образования новых фем. Одной из таких византийских провинций являлась Таврика. На примере изучения ее разнообразных христианских памятников исследователям удалось выявить признаки обновления церковной архитектуры IX–XI вв. Помимо появления крестообразных и крестово-купольных храмов, провинциальным феноменом архитектуры Таврики IX–XI вв. является строительство базилик[4], в то время как в Константинополе данный тип памятников выходит из употребления.

Одним из наиболее ярких и выразительных крымских памятников периода Македонского возрождения IX–XI вв. является Партенитская

---

[2] Впервые определение «Македонский ренессанс» использовал в названии своей работы 1948 г. немецкий искусствовед Курт Вейцман. См.: *Weitzmann K.* The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance. [Studies in Manuscript Illumination; 3]. Prinston, 1948. В дальнейшем К. Вейцман характеризовал ренессансные черты периода правления Македонской династии как «оживление» античных традиций. См.: *Weitzmann K.* The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival? // Βυζαντινὰ καὶ Μεταβυζαντινά. T. 1 (The 'Past' in Medival and Modern Greek Culture) / Ed. by S. Vrionis. Malibu, 1978. P. 71–85. Такой подход к пониманию термина «Македонский ренессанс» был в основном принят в современной историографии. См.: *Мишакова И.А.* К историографии средневекового Ренессанса // Проблемы всеобщей истории: Сб. статей. М., 1974. С. 300–316. Однако есть и более осторожное отношение к использованию этого понятия. См.: *Шевченко И.И.* Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 6–38 (здесь: С. 26). Надо признать, что существует и скептическое восприятие термина «Македонский ренессанс». Например, А.П. Каждан, сравнивая его с итальянским Ренессансом, считает, что «Македонский ренессанс» не создал новые ценности, просто используя достижения античного наследия: *Kazhdan A.* Η εποχή του Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου // Διαβάζω. 1985. Τ. 129. Σ. 17, 20. В.Н. Лазарев время правления Македонской династии считал поворотным этапом в развитии византийского искусства в «эту эпоху происходит перелом, логическим следствием которого была выработка классического византийского стиля» (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи: в 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 61). Поэтому авторы статьи отдали предпочтение использованию менее пафосного термина — «Македонское возрождение».

[3] На перекрестке цивилизаций. Сборник / Пер. с франц. М., 2006. С. 69.

[4] Л.А. Беляев, со ссылкой на работы Е.А. Паршиной (*Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59) и А.Л. Якобсона (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. [Материалы и исследования по археологии СССР; 63]. М.; Л., 1959. С. 126–128), отмечал, что в Крыму «базилики VII–VIII вв. заново построены или переделаны в X в. В Херсонесе до VIII в. были популярны одноапсидные трехнефные базилики, перекрывавшиеся по стропилам (восемь в городе и одна на Мангупе). К трехапсидным, возможно, сводчатым отнесены две базилики на городище Тепсень и в Партенитах (этот тип характерен для эпохи массовой христианизации IX – начала X в. на Балканах и в Причерноморье). В особый тип выделяются "малые" базилики с толстыми стенами, известные в Херсонесе» (*Беляев Л.А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб., 2020. С. 244. Примеч. 95).

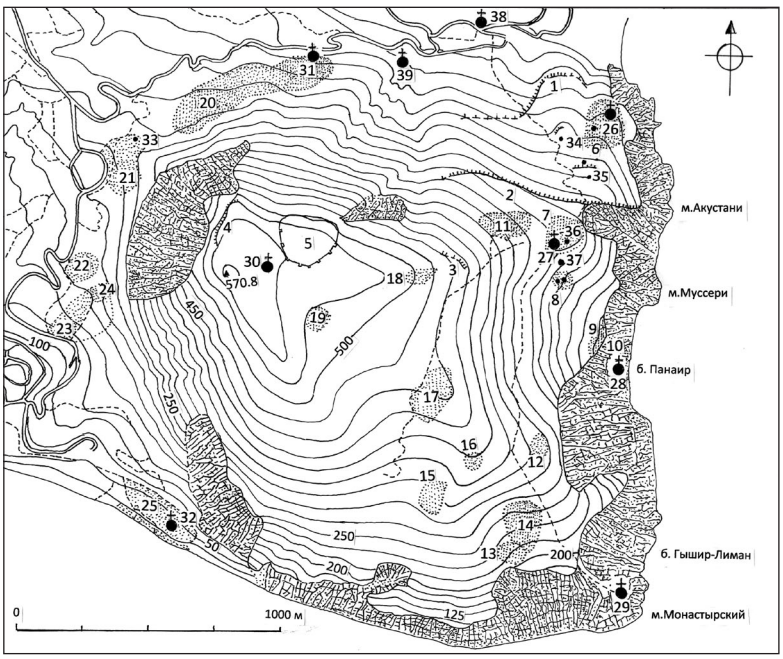

Рис. 1. Археологическая карта Аю-Дага (по А.В. Лысенко, И.Б. Тесленко, 2002) с дополнениями и изменениями авторов: 1–3 развалины оборонительных стен; 5 — крепость на вершине Аю-Дага; 6–25 — следы поселений; 26–32, 38, 39 — руины храмовых комплексов. Все иллюстрации подготовлены авторами



Рис. 2. Эпиграфические памятники X–XV вв.: 1 — надпись 1427 г. из Феодоро о строительстве храма Святых Константина и Елены князем Алексеем I; 2 — ставропигия митрополита Дамиана из раскопок Д.М. Струкова 1871 г.; 3 — эпитафия 14 декабря 906 г. отца Никиты из монастыря Апостолов в Партените; 4 — плита с надписью 10 сентября 1427 г. о восстановлении храма Святых апостолов Петра и Павла митрополитом Готии Дамианом.

базилика. Интересна история открытия и изучения этого храма[5]. В 1869 г. управляющий имением Раевских «Пратенит» П.Ю. Килиус обратил внимание на руины древнего строения, принятые им за остатки акведука[6]. Он распорядился выбирать из развалин камни, используя их при строительстве подпорных стен новой дороги. Побывавший на месте работ в 1871 г. Г. Караулов писал, что «Килиус почти в течение двух лет выбирал из постройки строительный камень» и «увез <...> более 200 маджар (телег. — *Авт.*), употребляя на устройство стенок вдоль дороги»[7]. Осенью 1871 г. Партенит посетил московский художник Д.М. Струков (1828–1899)[8]. Увидев открытые П.Ю. Килиусом на восточном склоне Аю-Дага развалины (Рис. 1, 38), Струков безошибочно определил, что перед ним остатки средневекового храма. С согласия Н.Н. Раевского (1839–1876) художник организовывает изучение памятника. Наблюдателем за ходом раскопок согласился быть алуштинский священник отец Николай (Клопотович). Д.М. Струков, будучи в это время занят другими работами, в октябре ограничился визитами в Партенит.

Раскопки Партенитской базилики осенью (в октябре-ноябре) 1871 г. проводились в два этапа: 1) до 2 ноября работами руководил отец Николай, открывший восточную часть храма, где были обнаружены важнейшие эпиграфические находки 1427 г. (Рис. 2, 4); 2) после (на протяжении 17 дней) раскопками занимался Д.М. Струков. Исследования базилики продолжались до 20-х чисел ноября и позволили составить относительно полный схематичный план памятника. Из всех артефактов наиболее значимыми были обнаруженные в 1871 г. три эпиграфические находки и особенно одна из них: в предалтарной части открыта плита с надписью 1427 г., использовавшаяся в позднее Средневековье в качестве вымостки пола (Рис. 2, 4). Перевод большой греческой надписи сделал на месте раскопок священник из селения Аутки отец Иордан. В ней говорилось о восстановлении митрополитом города Феодоро и всей Готии Дамианом храма святых апостолов Петра и

---

[5] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII): Новая серия. СПб., 2013. С. 405–433.

[6] См.: *Клопотовиҷ Н.* О раскопках Д.М. Струкова в Партените // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 23. С. 723–728; *Караулов Г.* Недавняя археологическая находка в Крыму (древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит, в октябре 1871 г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 8. 1872. С. 309–311; *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1976. С. 37–40; *Толстой И., Кондаков Н.* Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева // Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. СПб., 1891. С. 30–31; *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 68, 112 и др.

[7] *Караулов Г.* Недавняя археологическая находка... С. 311.

[8] Приезд Д.М. Струкова в Крым для разыскания христианских древностей: Извещение // Таврические епархиальные ведомости. № 21. Симферополь, 1871. С. 663–664.

Павла, построенного Иоанном Исповедником — «архиепископом города Феодоро и всей Готии»[9]. Результаты своих изысканий отец Николай изложил в краткой заметке «О раскопках Д.М. Струкова в Партените»[10]. В 70-х гг. Д.М. Струков неоднократно обращался к результатам своих раскопок в Партените[11].

В 1884 г. в ходе земляных работ на винограднике было найдено надгробие (его размеры: 0,44 х 0,27 х 0,02 м) из белого мрамора с тщательно вырезанной греческой надписью (Рис. 2, 3)[12]. Случайно открытая плита с эпитафией представляла надгробие преподобного отца Никиты, настоятеля монастыря святых апостолов, скончавшегося в воскресенье, 14 декабря 6415 г. (=906 г. от Р.Х.). Издавший надпись В.В. Латышев, полагал, что «в этом упоминании монастыря Св. апостолов заключается главный исторический интерес памятника, так как он представляет новое доказательство тождества нынешнего Партенита со средневековым Партенитом, свидетельствуя о существовании там монастыря святых Апостолов, упомянутого в Житии Иоанна Готского, в начале X в., т. е. через сто с небольшим лет после кончины святого Иоанна. Кроме того, памятник знакомит нас с одним из настоятелей монастыря, игуменом Никитою, и, таким образом, дает маленькую страничку для монастырской хроники. Боспорский монах и пресвитер Николай приписал свое имя на памятнике с просьбой молиться за него, по всей вероятности потому, что его иждивением был сооружен памятник Никиты, или им самим вырезана надпись»[13].

---

[9] *Караулов Г.* Недавняя археологическая находка... С. 311–313.

[10] *Клопотовиг Н.* О раскопках Д.М. Струкова... С. 723–728.

[11] См.: *Струков Д.* О древнехристианских памятниках в Крыму. М., 1872. С. 9–10; Он же. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 37–39 и др. Значительная часть изданных Д.М. Струковым работ по крымоведению собрана в библиографическом указателе TAURICA, подготовленном Арсением Ивановичем Маркевичем: *Маркевиг А.И.* TAURICA. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь, 1894. С. 52, № 916–923. Более подробно о крымском этапе изучения христианских памятников Тавриды Д.М. Струковым см.: *Непомнящий А.А.* Из истории изучения Крыма в Москве в XIX веке: малоизвестная грань творчества известных ученых // related:www.nbuv.gov.ua /Articles/ kultunar/ Kup 200013/Kup13_25.doc (последнее обращение 31.03.2012). Вне внимания историографа осталось несколько обстоятельных очерков В.Ф. Козлова, посвященных эвристической деятельности в Крыму Д.М. Струкова: *Козлов В.Ф.* Певец православной Тавриды (московский художник Д.М. Струков и Крым) // Предвестие: Крымский литературно-философский журнал. 1993. № 5. С. 87–98; *Он же.* Памятники православного Крыма в жизни московского художника и археолога Д.М. Струкова // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М., 2002. С. 316–323 и др.

[12] См.: *Латышев В.В.* Новая надпись из Партенита // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 56–62; *Он же.* Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896. С. 74–79, № 69–70.

[13] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей... С. 76–77.

Исследователи[14], сопоставив имеющиеся в их распоряжении данные, уже в 70–90-х гг. XIX в. пришли к выводу, который казался им бесспорным, что обнаруженные в 1869–1871 гг. в Партените руины церкви суть ни что иное, как следы храма святых апостолов Петра и Павла, находившегося в монастыре, основанном во второй половине VIII в. преподобным отцом и епископом Готии святым Иоанном Исповедником.

Но в то же время было высказано мнение о более поздней дате возведения Партенитской базилики. В труде «Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева», вышедшем в 1891 г., И.И. Толстой и Н.П. Кондаков писали: «На Южном берегу Крыма в имении Партенит близ Гурзуфа открыты в 1871 г. значительные остатки большого христианского храма, относящегося по времени своего возобновления к первой четверти XV столетия, а по времени первоначальной постройки, быть может, к X–XII столетию. Из всех открытых на Южном берегу древних церквей — это первая церковь больших размеров и с украшениями, как наприм.: мозаиковый пол, резные карнизы. Все прочие известные здесь древние церкви имеют вид обыкновенных часовен»[15]. Авторы «Христианских древностей» приводят описание открытых раскопками 1871 г. руин памятника, опираясь в основном на сведения отца Николая (Клопотовича) и Г.Э. Караулова: «Храм был больших размеров, богато украшен и приспособлен для архиерейского служения. В алтаре, устроенном полукругом, найдено место, где был утвержден престол, а за ним, в горнем месте, кафедра для епископа. В предалтарной части с правой стороны, в углублении стены устроено сидение для неслужащих священников. Открытые части храма состоят: из алтаря, предалтарной части, левого придела и из небольшой части правого придела. Кладка стен везде на извести, из хорошо отесанных и правильной формы камней. Стены имеют в ширину два аршина, а высоту они сохранились местами на 3 аршина и немного больше, а местами не более как на один аршин. Пол у места, где устраивается иконостас, выстлан серым мрамором с темно-синими разводами, а далее, равно как и во всех остальных открытых частях храма, пол мозаиковый, составленный из небольших белых и красноватых квадратиков, с блестящею полированною поверхностью. Из архитектурных украшений найдены внутри храма: небольшая каменная колонка, много обломков карниза и две мраморные капители резной работы»[16].

---

[14] См.: *Клопотовичъ Н.* О раскопках... С. 723–728; *Караулов Г.* Недавняя археологическая находка... С. 309–311; *Струков Д.* О древнехристианских памятниках... С. 9–10; *Он же.* Древние памятники... С. 37–39; *Василевский В.Г.* Житие Иоанна Готского (1878 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 195. 1878. Январь. Отд. 2. С. 86–154; *Латышев В.В.* Новая надпись... С. 56–62; *Он же.* Сборник греческих надписей... С. 74–77. № 69; С. 77–79. № 70 и др.

[15] *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Христианские древности... С. 30.

[16] Там же. С. 30.

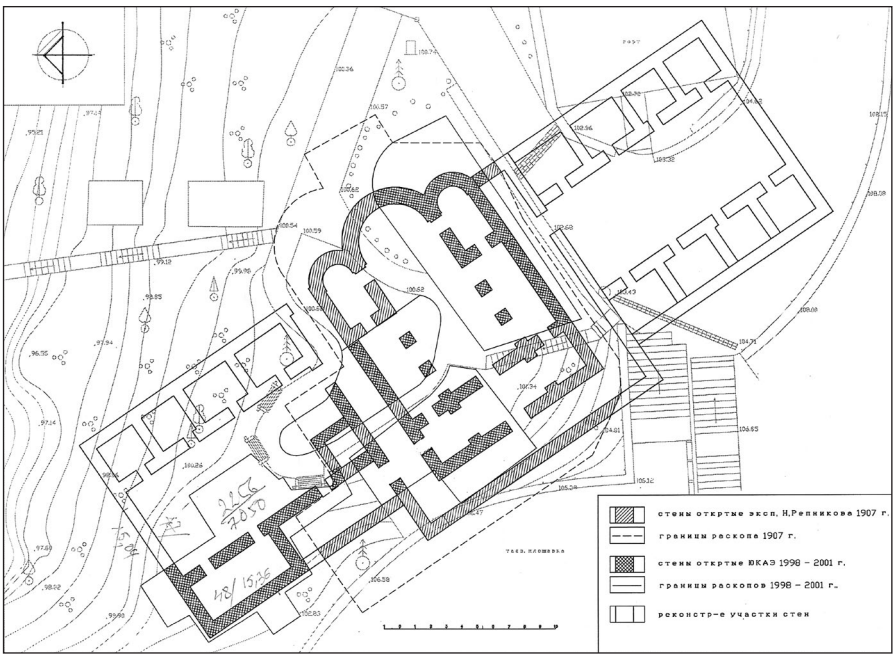

Рис. 3. План монастырского комплекса X в. в Партените по результатам раскопок 1998–2001 гг. с элементами реконструкции

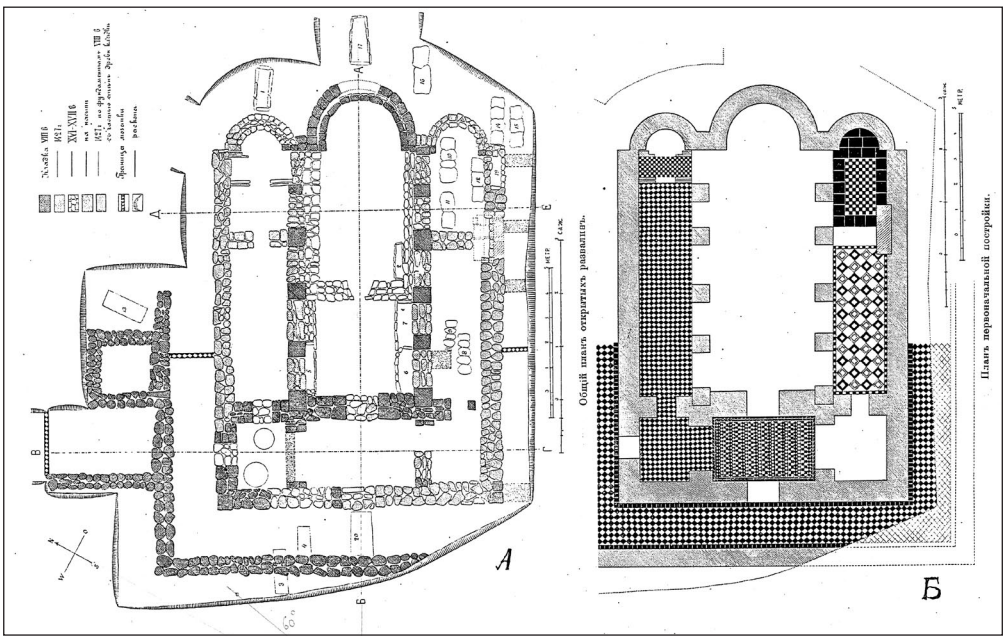

Рис. 4. План Пратенитской базилики по Н.И. Репникову (1909): А —общий план открытых развалин с прорисовкой кладок стен; Б — план первоначальной постройки с реконструкцией мозаичного пола

И.И. Толстой и Н.П. Кондаков в своем беглом описании Партенитской базилики допустили две неточности: 1) о том, что кладка стен храма везде сложена из хорошо отесанных и правильной формы камней (т. е. квадров) и 2) касательно находки в ходе раскопок двух мраморных резных капителей.

Изучение Партенитской базилики, начатое Д.М. Струковым в 1871 г., продолжил в 1907 г. (с 18 мая по 23 июня) Н.И. Репников. Открытая базилика представляла собой прямоугольное строение, ориентированное по линии юго-запад — северо-восток (угол отклонения 60˚), расчлененное на три нефа, завершающихся тремя полукруглыми апсидами (Рис. 4, А). Боковые нефы отделялись от центрального двумя рядами массивных, квадратных в сечении столбов (по четыре с каждой стороны). С юго-запада располагался довольно просторный нартекс с двумя наружными входами и тремя проходами в нефы. С трех сторон здание храма окружали галереи. Полы в боковых нефах, нартексе и галереях покрывала мозаика из красных (керамических) и желтых (песчаниковых) квадратиков, уложенных в виде паркета (Рис. 4, Б)[17].

Несмотря на то, что базилика подвергалась раскопкам дважды (в 1871 и 1907 гг.), авторами исследований в научный оборот было введено два различных плана храма. В 1876 г. Д.М. Струковым издан план, на котором представлена трехнефная трехапсидная базилика с просторным нартексом. При этом планировочная композиция храма с нартексом (без полукруглых апсид) приближается к квадрату[18]. Н.И. Репников издал план Партенитской базилики с условной прорисовкой стен храма, окружавшей его галереи и примыкавших с северо-запада строений (Рис. 4, А)[19]. При этом храм с нартексом имеет более стройную объемно-плановую композицию. Внутреннее пространство наоса разделено на нефы четырьмя парами прямоугольных столбов. Дополнительно Н.И. Репниковым разной штриховкой были выделены кладки, относящиеся, по его мнению, к трем строительным периодам: VIII в., 1427 г. и XVI–XVII вв.

При изучении Партенитской базилики Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1998–2001 гг. выявлены архитектурные остатки храма, отличные по своей плановой схеме от тех, которые были опубликованы Н.И. Репниковым (Рис. 4). К тому же время возведения базилики следовало отнести только ко второй половине–последней трети X в.[20]

---

[17] *Репников Н.И.* Партенитская базилика // Известия археологической комиссии. 1909. С. 91–140. Рис. 13.

[18] *Струков Д.М.* Древние памятники... С. 38. Рис.

[19] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... Рис. 8.

[20] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 401–403.

Уточненная архитектоника первоначального здания базилики также указывает на значительно более позднюю дату возведения строения. Характерной чертой объемно-плановой структуры Партенитской базилики является наличие трех одновременных полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных объемов пастофориев (приделов), служивших жертвенником и диаконником, глубокая вима и укороченный наос, разделенный на нефы аркадами всего с двумя (а не с четырьмя–пятью, как считал Н.И.Репников) промежуточными опорами.

1. Наос храма. Раскопками 1998–1999 гг. вскрыто приблизительно 2/3 площади наоса базилики, так или иначе дополняющих результаты археологического изучения памятника, проведенного в 1907 г. Н.И. Репниковым[21]. Полностью расчищено внутреннее пространство южного нефа и почти наполовину, с юго-восточной стороны — центрального, а также северо-западного (Рис. 3). Максимальная высота руин достигала 0,50 м. На отдельных участках от несущих конструкций остались кладки нулевого цикла, поэтому можно судить только о некоторых параметрах храмового здания, а также о наиболее выразительных чертах его архитектоники. Южный компартимент (неф) базилики состоит из двух структурно обособленных частей: бокового пролета наоса, отделенного от центрального нефа двумя массивными опорами, служившими основаниями для столбов, и огражденного со всех сторон стенами пастофория, имевшего вид прямоугольного в плане помещения с полукруглой апсидой. Один из входов в придел вел из вимы и находился непосредственно у алтарного полукружия. Его ширина — 1,21/24 м. Внутренние размеры пастофория: общая длина — 4,30/35 м, ширина — 2,20/25 м. Глубина апсиды — 1,15/20 м, ширина — 2,05/08 м (Рис. 3, 5). В северо-западной части помещения южного придела апсида по отношению к продольной стене образует уступ в 0,12 м. С противоположной стороны ее очертания в плане плавно сопряжены с контурами внешней продольной стены. При этом снаружи абрис последних не совпадает, что дает основание предполагать их соединение здесь посредством плеча. Это предположение подтверждается и фотографией из публикации раскопок Н.И. Репникова[22]. Толщина стен: северо-западной — 0,80/85 м; юго-западной — 0,75/80 м; юго-восточной — 1,05/10 м (максимальная — 1,25 м); апсиды — 0,80–1,0 м (увеличивается к югу).

Внутри пастофория и с внешней стороны его апсиды частично исследован фундамент базилики. Почти повсеместно он расположен точно

[21] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 91–140.
[22] Там же. Рис. 24.

под стенами. Исключением является конструкция подножия апсиды. Снаружи нижний ряд кладки фундамента образует ступень шириной 0,30 м и высотой 0,20/25 м, сходившую по краям полукружия на нет.

Фундамент компартимента на глубину 0,25 м впущен в материк, представляющий собой элювий глинистых сланцев. Над поверхностью основания он возвышается до 0,15 м. Все кладки его отдельных участков, равно как и расположенных над ними стен, между собой перевязаны. Южный угол придела полностью (до основания фундамента) разрушен могилой № 18. Погребальное сооружение почти на половину (0,43 м) встроено во внешнюю продольную стену базилики, которая при этом была частично разобрана и переложена, после чего стала тоньше — 0,70 м. Относительно юго-западной стены пастофория могила расположена посредине, равномерно выступая в обе стороны.

Кладки стен и фундамента придела бутовые. При их возведении использовался камень местных изверженных пород, в котором количественно преобладают разномерные необработанные обломки грандиорита и диабаза. Кладка углов велась из хорошо обработанных плит и блоков, изготовленных из капсельского ракушечника и восточно-крымской разновидности нуммулитового известняка (т. н. маркиз), явно вторичного применения. Преимущественно такими же сполиями сложен участок внешней продольной стены базилики, ограждавший погребальное сооружение № 18 с юго-востока.

Боковой (южный) пролет наоса сохранился несколько хуже придела. Но точному определению поддаются все его основные параметры. Длина помещения (от юго-западной стены пастофория до прохода с нартексом) составляет 6,10/18 м, ширина (между основаниями опор столбов и южной стеной) — 2,20/25 м. В отличие от перестраивавшейся кладки, ограждавшей придел снаружи, внешняя продольная стена тоньше и составляет 0,80/85 м. В юго-западной стене компартимента на расстоянии 0,72 м от южного угла, находится проход в нартекс. Ширина прохода с внутренней стороны наоса не превышает 0,80/82 м.

От опор, разделявших нефы, к моменту наших раскопок сохранились лишь фундаменты. В плане они имеют форму неправильных (трапециевидных) четырехугольников. Их размеры: северо-восточного — 0,75 (0,95) х 1,20 м, юго-западного — 0,65 (0,80) х 1,05 м. Расстояние между ними приблизительно равно 1,35/38 м. Такую же ширину имел проем и у пастофория. Для выравнивания верха кладки фундамента юго-западной опоры использованы ромбовидная и две прямоугольных керамических плитки. Визуально они подобны тем, что были применены в укладке мозаичного наборного пола. Размеры первой — 14,0 х 14,0 (12,0) см, второй — 20,0 х 20,0 см, третьей — 26,0 х 29,0 см.

Одним из важных архитектурно-конструктивных компонентов храма являлась центральная апсида. Алуштинский священник Николай (Клопотович) после раскопок 1871 г. следующим образом описывал открытые им руины восточной части базилики: «Алтарь открытого храма в 7 $^{1}/_{2}$ аршин аршин ширины, образуя полукруг, сложен из инкерманского, кажется, камня, в расстоянии 2 арш. от стены утвержден престол, а за ним на горнем месте сидение для епископа; в предалтарной части с правой стороны, в углублении стены, каменная скамья для восседания не служащих священников. Длина алтаря с открытой предалтарной частью 9 аршин»[23]. Очевидно, что отцом Николаем была открыта центральная апсида, в которой сохранился синтрон с епископским креслом от раннего храма. Здесь же им выявлен престол и предалтарная преграда позднесредневековой (XVI в.) часовни.

В пределах раскопа 1998–1999 гг. кладка центральной апсиды сохранилась на высоту 0,70 м, из которых $^{1}/_{2}$ приходится на фундамент, сложенный из разномерного бута местных изверженных пород камня. В основании толщина составляет 1,40/45 м. С внутренней стороны кладка центральной апсиды сложена более тщательно (наружу выводились относительно ровно околотые грани бутовых камней). Внутренний радиус составляет около 2,40/43 м, а глубина — 2,70/74 м. Открытые раскопками апсиды (частично центральная и южная) между собой перевязаны, а их плечи находятся на одной линии. Все это указывает на едино- временность возведения кладок апсид.

Стена алтарного полукружия центральной апсиды имела в основании сложную конструкцию, состоявшую из трех кладок. Ко времени наших раскопок с внутренней стороны сохранился только первый ряд кладки, выполненной из приблизительно одинаковых по величине блоков нуммулитового известняка (расчищено 5 блоков). Их размеры: высота — 0,30/32 м, ширина — 0,41 м, 0,47 м, 0,48 м и 0,44 м, толщина — 0,28–0,37 м. Верхняя грань одного из них посредине (с боков) имеет вырубки типа «ласточкин хвост», предназначенные под деревянные скрепы. Выемки в плане трапециевидные с прямыми стенками. Лицевая поверхность камня обработана небрежно, во многих местах видны следы грубой отески и околки.

В плане очертания фундамента (сложенного из грандиорита) и кладки из нуммулитовых блоков совпадают. Однако внутренний лицевой слой кладки апсиды, образованный известняковыми блоками, поставлен непосредственно на элювий глинистых сланцев. Низкое качество обработки поверхности лицевых граней всех без исключения нуммулитовых блоков, равно как и их неполная пригонка между собой в местах примыкания к бу-

[23] *Клопотовиг Н.* О раскопках... С. 723–728.

товой кладке, дают основание предполагать, что с внутренней стороны апсида дополнительно имела облицовку, остатки которой в виде обломков трех известковых плит со скругленным продольным профилем найдены в слое разрушения здания, образовавшемся уже после раскопок 1907 г. Кладка из нуммулитовых блоков (в отличие от бутовой кладки) явно не была рассчитана на значительную статическую нагрузку и вполне могла являться остатками основания синтрона, примыкавшего к центральной апсиде храма с внутренней стороны.

К северо-западной стене придела и закладу прохода из вимы в пастофорий, с внутренней стороны центрального нефа, вплотную, но без перевязки, примыкает другая стена. Ее толщина — 0,67–0,72 м, сохранившаяся протяженность — около 3,70 м. Данная кладка оказалась сильно руинирована и высота не превышала 0,45 м. Она может быть отождествлена с продольной стеной часовни, возведенной, по мнению Н.И. Репникова, на развалинах базилики в XVI в.[24] Помимо обычного для этого памятника бута местных изверженных пород в качестве кладочного материала использовались также обломки мраморных, известняковых и мергелевых плит, фрагменты керамики (керамид, плинфы и стенок пифосов). Стена позднесредневековой часовни фундамента не имела и была поставлена непосредственно на вымостку пола предшествовавшего ей строения.

Кладку часовни XVI в. подстилал слой охристой глины с повышенным содержанием крошки известкового раствора и галечного песка, с мелкими бесформенными обломками керамики и мергеля, залегавшего поверх материковых напластований элювия глинистых сланцев. Толщина данного слоя невелика и составляла всего 0,08 м. Судя по перекрытым стеной позднесредневековой часовни остаткам пола, центральный неф базилики был вымощен плитами известняка (их толщина составляла около 0,05–0,10 м) (Рис. 5). От материка (элювия глинистых сланцев) они отделялись тонкой (0,015–0,025 м) прослойкой глины красновато-коричневого цвета с галечным песком. Поверхность основания в этом месте (за пределами вимы она почти полностью утрачена в результате неоднократных сплошных перекопов) тщательно выровнена и снивелирована.

О форме и параметрах камня, использовавшегося для перекрытия пола, позволяет судить относительно целая плита, расположенная в проходе между пастофорием и опорой столба. Она имеет вид параллелограмма, по начертаниям близкого к прямоугольнику. Ее размеры — 0,84 х 1,17 м. Подобный перекос абриса характерен и для других плит, остатки которых сохранились *in situ* с юго-восточной стороны нефа у столбовых опор. Одна из них имела ширину 0,82 м.

---

[24] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 106.

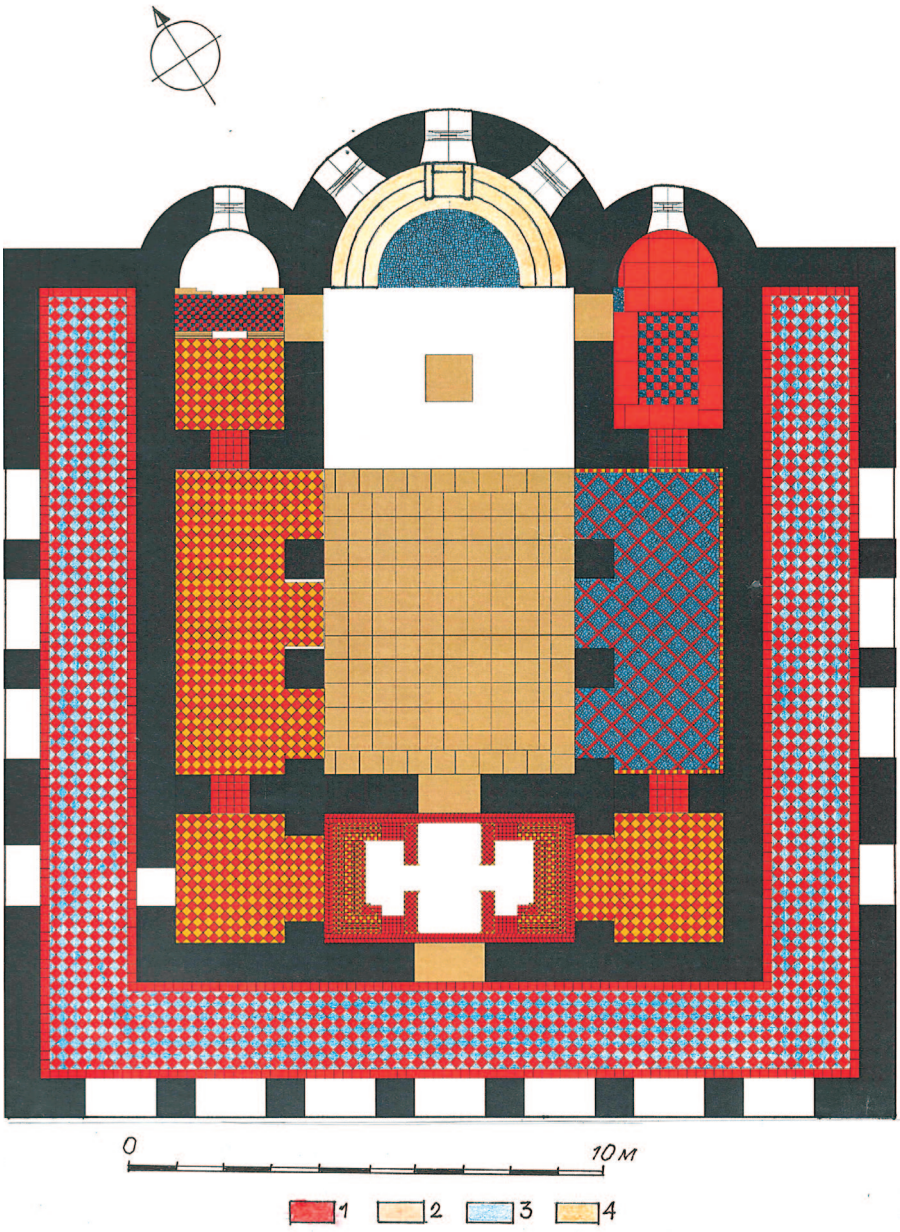

Рис. 5. Реконструкция вымостки полов Партенитской базилики X в. по результатам раскопок 1998–2001 гг.: 1 — керамические плитки (плинфы); 2 — плиты нуммулитового известняка (пол наоса и синтрон); 3 — полевой шпат; 4 — плитки песчаника (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

Пол южного пролета наоса и двух других проходов, соединявших его с центральным нефом, был мозаичным (Рис. 5)[25]. Он выполнен в технике *opus sectile* из стандартных керамических плиток размером 6,0 х 7,0 см и разных по величине обломков исландского полевого шпата. Покрытие оказалось сильно повреждено, а на отдельных участках полностью утрачено, но его рисунок поддается вполне достоверной реконструкции (Рис. 5).

Судя по сохранившимся участкам пола в среднем проходе и у стены пастофория, мозаика представляла собой набранную из керамических плиток прямоугольную сетку с диагональным расположением, внутреннее пространство которой плотно заполнено кристаллами полевого шпата. Ячейки квадратные, у стен прямоугольные. Ширина фигур колеблется от 29,0 до 38,5 см. С северо-восточной стороны (вдоль юго-западной стены придела) орнаментальный мотив окаймлен полоской из керамических плиток. Исходя из этих данных, а также учитывая то, что после раскопок 1907 г. остатки пола в боковом пролете наоса не претерпели существенных изменений, реконструкция его мозаики в виде шахматно расположенных разных по цвету квадратов, предложенная Н.И. Репниковым, представляется несколько надуманной[26].

Участок пола перед могилой № 18 был покрыт плитой крупнозернистого белого мрамора, подобной тем, что использованы в облицовке самого погребального сооружения. Размеры могилы: ширина — 0,84 м, длина — 1,17–1,20 м. Плита узкой стороной примыкала к могиле и была слегка развернута по направлению к входу из нартекса. Зазор между ней и южной продольной стеной базилики заполнен кристаллами полевого шпата. Таким же образом выполнена мозаика и вокруг известняковой плиты, размещенной в проеме у пастофория (Рис. 5).

---

[25] Предметный интерес к характеристике мозаичного пола Партенитской базилики проявляла Л.Г. Хрушкова, посвятившая этой теме серию работ: *Хрушкова Л.Г.* Вымостки opus sectile в Причерноморье и Киеве: средиземноморский контекст // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 215–218; *Она же*. Базилика в Партените: вымостка opus sectile, хронология памятника и Св. Иоанн Готский // VI Международная конференция по церковной археологии. Херсонес — город Св. Климента: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2011. С. 47; *Khrushkova L.* Opus sectile Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey / Ed. M. Sahin. Istanbul, 2011. P. 505–518; *Хрушкова Л.Г.* Полы opus sectile в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. Т. 65. С. 34–59. Однако Л.Г. Хрушкова при анализе напольной мозаки Партенитской базилики использовала исключительно данные раскопок 1907 г. Н.И. Репникова, обладающие неточностями, что привело исследователя к ряду ошибочных выводов.

[26] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 103. Рис.13.

Юго-западная часть бокового пролета наоса и проход в нее из центрального нефа полностью покрыты плотно пригнанными разномерными кусками полевого шпата, расположенными, соответственно, диагонально и параллельно по отношению к стенам (Рис. 5). Низ входного проема, соединяющего южный неф храма с нартексом, был вымощен квадратными керамическими плитками (лежащими *in situ* зафиксировано в проеме 7 плиток) приблизительно одинакового размера: 14,0 х 15,0 см; 15,0 х 14,5 см; 15,5 х 16,0 см; 15,5 х 15,0 см; 15,0 х 15,0 см; 16,0 х 15,0 см.

В качестве характерной черты покрытия пола базилики следует отметить особенность примыкания плит вымостки центрального нефа и мозаики проходов между опорами столбов: на стыке углы многих уложенных здесь кристаллов полевого шпата аккуратно обломаны по прямой линии.

2. Нартекс базилики (Рис. 4, 5). В ходе раскопок 1907 г. нартекс был раскрыт полностью[27]. Однако Н.И. Репников дает беглое описание западной части храмовой постройки, сосредотачивая свое внимание на так называемых портике и коридоре: «Базилику в ю.-з. части окружили коридором, которым входящие через портик проходили к главной двери, ведущей в нарфик, а из него в любую часть базилики. Кроме главной двери, ведущей в нарфик из коридора, существовала еще боковая дверь, расположенная как раз против с.-з. портика, но, по-видимому, значение ее было второстепенное. От всех описываемых сооружений базилики сохранились лишь основания, но настолько ясные, что по ним возможно представить вполне определенно очертание стен коридора и портика (Рис. 7, 17 и 19) <...> В средней и примыкающей к северному нефу частях нарфика сохранились половые вымостки. Из нарфика были двери в средний и боковые нефы»[28].

В данном случае исследователь был не совсем точен, помещая на изданном им плане базилики северо-западный вход в нартекс, размещенный по центру стены и осевой линии притвора. На фотографии хорошо видно, что вход шириной 0,96/98 м был смещен к северо-западу и находился в 0,65 м от внутреннего угла помещения нартекса[29].

В ходе раскопок 1999 г. удалось вскрыть только часть нартекса: внутреннее пространство притвора составляет 5,12 х 2,56/58 м и ограничено тремя, относительно полно сохранившимися кладками. Кладка западной стены нартекса отделяет притвор от обводной галереи. Сохранилась на высоту 0,60 м (3–4 ряда) от уровня вымостки пола. Она возведена из разномерного бутового камня (по краям уложены крупные камни с относительно ровными лицевыми гранями, внутренняя забутовка осуществлялась более

[27] Там же. Рис. 8.
[28] Там же. С. 11.
[29] Там же. Рис. 18.

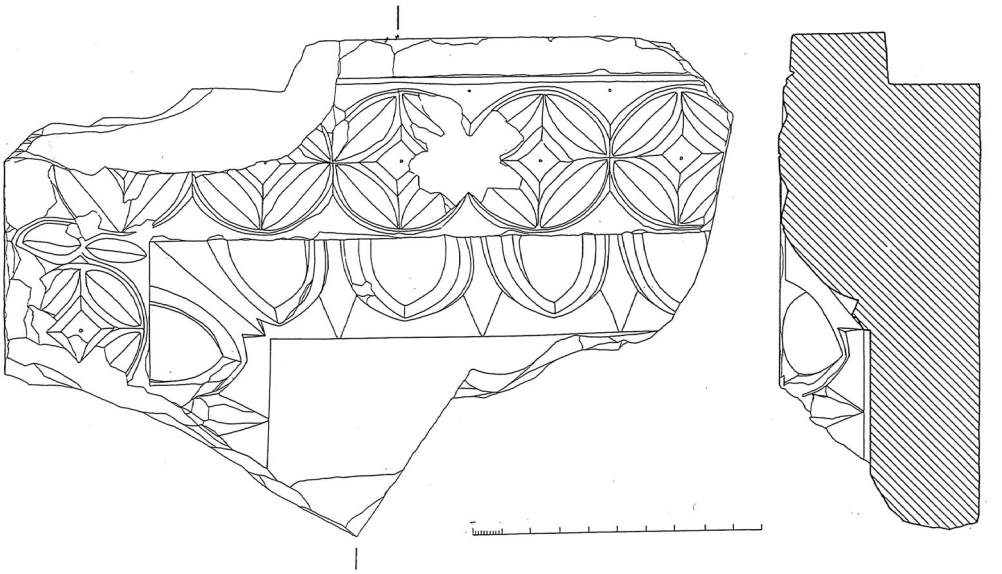

Рис. 6. Фрагмент архитектурной детали из мшанкового известняка

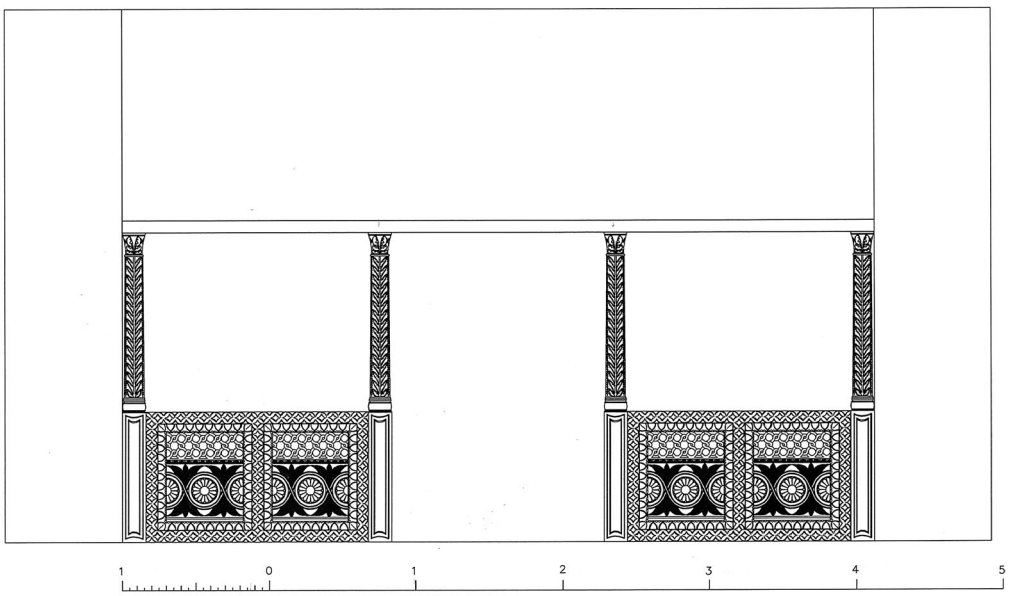

Рис. 7. Реконструкция предалтарной преграды Партенитской базилики X–XI вв. (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

мелким камнем и щебнем) изверженных пород (диабаз и грандиорит). Возводилась на прочном известковом растворе с добавлением песка и мелкофракционной гальки. С внутренней стороны нартекса, в нижней части стены (на высоту в 0,10 м от пола и протяженностью около 1,0 м) сохранились следы глиняной обмазки, покрывавшей верхнюю (выступающую на поверхности) часть ряда кладки фундамента. Поверх фундаментной кладки был уложен тонкий слой (около 0,02–0,05 м) глины с добавлением известковой крошки и песка. Расположенная выше часть стены (сохранившаяся высота 0,45–0,50 м) возводилась уже с использованием известкового раствора. Толщина кладки колеблется в пределах 0,82/86 м, расширяясь в основании и у входа.

Стены фундамента везде сплошные, без проемов для дверей. В западной стене, у южного борта раскопа, частично раскрыт главный вход, ведущий из галереи в нартекс. Северный откос входа оформлен большим известняковым аккуратно тесанным блоком, состоящим из двух частей (их размеры — 0,63 х 0,26 м и 0,63 х 0,28 м) и уложенных буквой «Г». На полу главного входа залегала монолитная известняковая плита размером 0,75 х 0,58 х 0,10 м (частично уходила в борт раскопа). Данная плита использовалась в качестве порога главного входа, состоявшего из двух плит разных размеров, одна из которых была утрачена до раскопок 1907 г.[30] При точно определяемой, благодаря фотографии 1907 г., ширине главного входа в 1,45 м, можно установить и параметры утраченной второй плиты порога, длина которой составляла не более 0,70 м.

Восточная стена нартекса, отделявшая его от наоса, прослежена на протяжении 4,30 м. Сложена в два ряда бутовых камней с ровными лицевыми гранями с внутренней забутовкой из мелких камней и заливкой известковым раствором. Ширина выдержана на всем протяжении и не превышает 0,80/82 м. Северо-западная стена нартекса сохранилась частично (позднейшей выборкой полностью уничтожен северный угол). Под эту кладку в материковом грунте (элювий глинистых сланцев) была вырыта траншея глубиной 0,20/25 м и шириной в 0,85 м. Фундаментная часть стены сложена из крупного бута (диабаз и гандиорит). Пространство между камнями было полностью заполнено плотной материковой глиной, выбранной из строительной траншеи. Скрепление глины и бутового камня оказалось настолько прочным, что превратило фундамент в монолитную конструкцию. Во время раскопок 1907 г. данная стена нартекса была еще в относительно хорошем состоянии: в 0,65 м от западного угла сохранился дверной проем шириной около 0,96/98 м[31]. При раскопках 1998–1999 гг. открыта только фундаментная часть кладки и фрагмент траншеи, в которую она опущена.

---

[30] Там же. Рис. 30.
[31] Там же. Рис. 18.

В продольных стенах нартекса, на расстоянии 2,25/30 м от северо-западной стены сохранились основания двух симметрично расположенных прямоугольных пилястр. Юго-западная пилястра образует единый массив с продольной стеной и с ней перевязана, как на уровне фундамента, так и в сохранившейся части кладки. Фундаментная часть пилястры выступает над поверхностью пола нартекса на 0,05–0,08 м. Сложена из плоских необработанных камней грандиорита на кирпично-охристого цвета плотной глине с добавлением известковой крошки и песка, размеры — 0,52–0,60 х 0,92–0,96 м. На этом фундаменте частично сохранилась кладка самой пилястры размером 0,32/36 х 0,82/85 м, сложенная на прочном известковом растворе. В основании кладки для выравнивания горизонтальной поверхности фундамента использовалась керамическая плитка, идентичная тем, которые использовались для покрытия пола (размеры — 0,25 х 0,26 х 0,03 м). От второй пилястры, встроенной с северо-востока в продольную стену нартекса сохранилась только часть ее фундамента (0,40 х 0,48 м). По своим параметрам эти две симметрично расположенные пилястры были однотипны и имели одинаковые параметры. Расстояние между ними, перекрывавшееся, видимо, циркульным сводом, составляло 1,90/96 (1,93) м. В северной части нартекса они формировали прямоугольное в плане пространство, равное по ширине северному нефу (2,25/30 м) и протяженностью 2,53/58 м (ширина самого нартекса). Внутри северного пространства нартекса (в северо-восточном углу) расчищена яма под пифос, вырытая в материке (охристо-коричневый элювий глинистых сланцев), размеры: 1,50 х 1,20 х 0,79 м (яма № 5). Она оказалась заполненной разрозненными фрагментами красноглиняной черепицы с высоким бортиком, попавшей сюда уже после раскопок 1907 г. Н.И. Репниковым в этом месте *in situ* зафиксированы 2 пифоса, один из которых (с желобчатым туловом) сохранился до половины[32]. Следы ямы для установки второго (гладкостенного) пифоса обнаружить не удалось, а это дает основания полагать, что он был укреплен (вкопан) выше уровня мозаичного пола нартекса. Данные сосуды связаны уже с последним периодом существования памятника в XVI в., когда храм (в форме небольшой по объему часовни) располагался в восточной части центрального нефа, а нартекс использовался в качестве хозяйственного помещения[33].

В северо-западной части нартекса нами была открыта фрагментарно сохранившаяся вымостка мозаичного пола (Рис. 5). В центральном пространстве (к юго-западу от пилястр и у главного входа в базилику) мозаика состояла из небольших ромбовидных (0,08 х 0,08 х 0,03 м), треугольных

[32] Там же. Рис. 31, 37

[33] Разница в уровне расположения пифосов и возможного времени их использования никак не оговаривается в публикации материалов Н.И. Репникова, хотя оба сосуда представлены именно на плане храма XVI в. См.: *Репников Н.И.* Партенитская базилика... Рис. 31.

(0,05 х 0,03 х 0,03 м), а также квадратных (0,05 х 0,05 х 0,03 м) красных и желтых керамических плиток. Ромбовидные и треугольные плитки состыковывались между собой в два ряда, образуя узор в виде «елочки» и ломаного меандра. Этим орнаментом окаймлялась вся мозаичная композиция центральной части нартекса (5,12 х 2,56 м), заполненная небольшими прямоугольными двуцветными плитками, уложенными в шахматном порядке и образующими семь ковровых полос. Разделение между ними осуществлялось всё теми же двумя рядами треугольных керамических плиток. Путем использования простых средств, получался пестрый, создающий настроение парадности, рисунок. У Н.И. Репникова мозаичная вымостка в центральной части нартекса реконструирована не совсем точно: «Составные части его следующие: 1) кайма из ромбов красной черепицы, сложенных в елку, 2) ряд из поставленных в косом шахматном порядке квадратиков красной черепицы (промежутки заклинены треугольниками желтого цвета), 3) ряд тожественного рисунка, но с обратным чередованием цветов, 4) ряд чередующихся квадратов красного и желтого цветов, 5) такой же ряд с обратным чередованием цветов»[34].

В 1907 г. в этом месте были видны следы утрат и повреждений, а некоторые участки подвергались ремонту. Из-за этого в вымостке пола появились более крупные керамические плитки из мергеля, вносившие диссонанс в стройность композиции первоначального рисунка[35].

В пространстве между пилястрами и напротив входа в северный неф, орнаментальная мозаичная вымостка оказалась значительно проще по своему набору (Рис. 5). Она состояла только из чередующихся в шахматном порядке (были уложены по диагонали к осевой ориентации базилики) квадратных красных (керамических) и бело-желтых (изготовлены из мергеля и песчаника) плиток размером 0,14 х 0,14 х 0,03 м. Это чередование ярко-красного и бело-желтого тонов создавало эффект строгого двуцветного, но очень контрастного коврового покрытия. Однако мозаичный пол и здесь сильно пострадал при поздних перекопах (особенно в месте установки пифоса)[36]. Учитывая результаты раскопок 1907 г. и исследований 1998–1999 гг., можно

---

[34] Там же. С. 102. Рис. 13.

[35] Н.И. Репников также отмечал: «Первоначальный рисунок вымостки был нарушен при переделке 1427 г. и недостающие части были дополнены частью старым материалом, частью не идущим к общему смыслу рисунка материалом — кристаллами полевого шпата, кусками больших черепиц, мрамором и даже обломками плит» (*Репников Н.И.* Партенитская базалика... С. 102. Рис. 18)

[36] Н.И. Репников следующим образом описывал сохранившуюся здесь часть вымостки: «В части нарфика, примыкающей к северному нефу, пол состоит из квадратов красной черепицы (размерами 0,15 х 0,15 х 0,03 м), чередующихся квадратами песчаника таких же размеров. Квадраты расположены в косом шахматном порядке и заклинены вдоль стен треугольниками песчаника» (*Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 102. Рис. 20).

прийти к заключению, что нартекс первоначального храма X в. был трехчастный. Четыре прямоугольные пилястры, выступающие из его продольных стен, делили внутреннее пространство на три разновеликие части, равные по ширине боковым и центральному нефам. Нартекс составлял единое целое с основным объемом базилики, будучи ориентирован перпендикулярно основной оси здания храма. От его конструкции сохранился фундамент и частично кладки несущих стен (на 1–2 ряда). Стены нартекса такой же толщины, как и продольные стены храма (наоса), при этом кладка фундаментов основного объема и нартекса перевязаны. Уровень пола в нартексе и нефах был одинаковым. Из нартекса в центральный и боковой нефы вело три разновеликих дверных проема. Галерея с нартексом сообщалась двумя дверными проемами: центральный (шириной около 1,45 м) — в западной стене; и боковой (ширина проема 0,94–0,98 м) — в северо-западном углу строения. Все дверные проемы были устроены на верхнем уровне фундаментной кладки и поэтому в ряде случаев могут быть реконструированы только благодаря фотографиям раскопок 1907 г. Соблюдение строителями строгой симметрии всего архитектурного комплекса базилики позволяет реконструировать и основные параметры плана нартекса. Его внутренние размеры: длина — 11,30/35 м, ширина — 2,56/60 м (соответственно центральной части — 5,12/20 х 2,56/60 м, боковых — 2,25/30 х 2,56 м).

3. Галерея (Рис. 5). Базилика с трех сторон (северо-западной, юго-западной и юго-восточной) была окружена обходной галереей, являвшейся важным объемно-планировочным компонентом всего архитектурного комплекса. Ее ширина составляла 2,04/08 м, реконструируемая протяженность — 47,6 м, общая площадь — 95,3 м^2. Толщина стен, окружавших галерею по периметру, приближалась к 0,80 м. Наиболее полно галерею удалось изучить Н.И. Репникову в 1907 г. В ходе раскопок 1999 г. вскрыта часть (6,12 х 2,05 м), примыкавшая к нартексу юго-запада (полные реконструируемые размеры этой части составляли 17,0 х 2,0 м). Вымостка в галерее сохранилась лучше, чем в наосе. Она выложена из тщательно подогнанных друг к другу ярко-красных керамических квадратных плинф (размеры плиток 0,18 х 0,18 м) и кусками исландского шпата, чередующихся в шахматном порядке. Контур мозаичного рисунка оформлен из плотно подогнанных красных квадратных плинф. Общий вид вымостки галереи производит впечатление яркого дорогого коврового покрытия, состоявшего из геометрического рисунка, тщательно выполненного средневековыми мастерами (Рис. 5). Укладка вымостки пола производилась непосредственно на тщательно снивелированную материковую поверхность, покрытую тонким слоем глины[37].

[37] *Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчет о полевых археологических исследованиях храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (т. н. Партенитская базилика) в 1999 году... С. 9. Рис. 14–37.

4. Монастырские строения. В ходе раскопок 1907 г. с северо-западной стороны базилики было открыто строение, которое Н.И. Репников интерпретировал как «портик». Несколько необычное (портик должен был находиться с юго-западной стороны и непосредственно по оси базилики), на его взгляд, расположение парадного входа в храм исследователь попытался объяснить сложностью микрорельефа, неудобством и дороговизной земляных работ: «Расположена базилика на С.-В., следовательно, портик находился бы на Ю.-З., т. е. со стороны очень крутого наклона террасы, в котором пришлось бы сделать ряд дорого стоящих земляных выемок, все же не доставив удобного доступа к портику, да и сам он сильно терял бы в общем наружном виде. Строители употребили более простой прием, а именно, устроили портик с С.-З., а самую базилику в Ю.-З. части окружили коридором, которым входящие через портик проходили к главной двери<...> В портике и коридоре сохранилась не лишенная своеобразной оригинальности половая вымостка<...> Какую высоту имели стены коридора и как был устроен портик, об этом судить невозможно. Несомненно лишь одно, что коридоры и портик были крытыми помещениями, по той простой причине, что в противном случае половые вымостки пострадали бы от атмосферных явлений (мороз, снег). Не невозможным является существование и с ю.-в. стороны базилики пристройки аналогичной той, которую мы называем портиком»[38]. Так Н.И. Репников дает общее описание важного строения. Из представленных в публикации планов видно, что «портик» был открыт частично: осталась не раскрытой северо-восточная стена, в то время как юго-западная показана полностью (Рис. 4, А). Внутренние параметры, согласно плану Н.И. Репникова, составляют: ширина — 2,55/60 м, длина — 4,30/40 м. К тому же помещение (ось) портика оказалось смещенным относительно нартекса к северо-востоку[39].

С северо-западным участком галереи портик сообщался входом, равным по ширине главному входу в нартекс, т. е. проем его был шириной 1,45 м. При этом исследователь представил полную реконструкцию относительно хорошо сохранившегося наборного пола и дал его описание: «В портике пол состоит из больших квадратов красной черепицы (размерами 0,50 х 0,48 х 0,05 м), обрамляющих продолговатый четырехугольник, состоящий из квадратиков красной же черепицы (размерами 0,16 х 0,16 х 0,03 м), чередующихся с квадратами тех же размеров, составленными из кристаллов полевого шпата. Расположены квадраты в косом шахматном порядке. У основания стен портика вымостка обрамлена каймой из треугольных кирпичиков (размерами 0,08 х 0,10 х 0,03 м). В вымостке заметны исправления, сделанные частью старым материалом,

[38] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 98–99. Рис. 8; 11, разрез В-Г; 13; 17.
[39] Там же. Рис. 13.

частью кусками мрамора. Поправки эти резко бросаются в глаза своею неправильностью»[40].

На этом участке раскопки велись в 1999–2001 гг. и позволили открыть два помещения монастыря (Рис. 3), примыкающих к северо-западной галерее. В северо-западном углу раскопа расчищена часть «портика», уходящая в северо-западный борт (2,56/60 х 1,30 м). Пол «портика» оказался на 0,10 м ниже уровня пола северо-западной части обводной галереи. Это было обусловлено естественным склоном (угол падения 1–2°), а также необходимостью дополнительной подрезки и нивелировки склона. Вместе с тем полы в нартексе, северном нефе и галерее находятся на одном уровне в отличие от разрезов, представленных в публикации Н.И. Репникова. Пол портика был выстлан по периметру большими красноглиняными плитами размером 0,495 х 0,495 х 0,05 м, расколовшимися во многих местах при падении на них стен и перекрытия. Вымостка пола северо-западного крыла монастырского строения сохранилась частично и состояла из красноглиняных керамических плиток, плиток песчаника и крупных кусков исландского шпата. Мощность культурного слоя в этом месте составляла от 0,64 до 1,60 м от современной дневной поверхности.

Открытые монастырские строения являлись трапезной (помещение № 2, или «портик» по Н.И. Репникову) и кухней (помещение № 1). Размеры трапезной составляют 7,40/50 х 2,56/60 м. Еще один вход в трапезную, вероятно, находился в северо-восточной стене помещения. Трапезная и кухня разделялись глухой стеной. Внутренние размеры кухни достигали 6,10/15 х 2,56/60 м, при толщине стен 0,80/82 м. Общая протяженность трапезной и кухни, объединенных глухой юго-западной стеной, составила 15,10/15 м.

В ходе расчистки культурных отложений полностью изучено помещение № 1 (кухня). Стены сложены из бутового камня на глине (элювий глинистых сланцев). В кладке углов и откосов использованы сполии (капсельский ракушечник) с ровными гранями. В северо-восточной стене было устроено два дверных проема. В ходе раскопок на полу помещения зафиксирован развал керамики, состоявшей из тарной, кухонной и столовой посуды второй половины – последней трети XI в.[41] На поверхности слоя, связанного с разрушением помещения № 1 и непосредственно на развале фрагментов керамики найдена византийская монета. Она представляет собой анонимный фоллис класса G — 1065–1070 гг.[42] Уровень пола поме-

---

[40] Там же. С. 101. Рис. 13; 17.

[41] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 461. Рис. 13–21.

[42] Анонимные фоллисы выпускались, начиная с Иоанна Цимисхия (969–976) и заканчивая Алексеем I Комниным (1081–1118) и до 1091/92 гг. Однако такая монета могла быть выпущена при одном из трех императоров: Константин IX (1059–1067), Евдокии (1067), Романе IV Аргире (1068–1071). Хотя имя правящего императора никогда не указывалось. Поэтому фоллисы этого типа разделены на классы от A до M. Наша монета наиболее близка классу G.

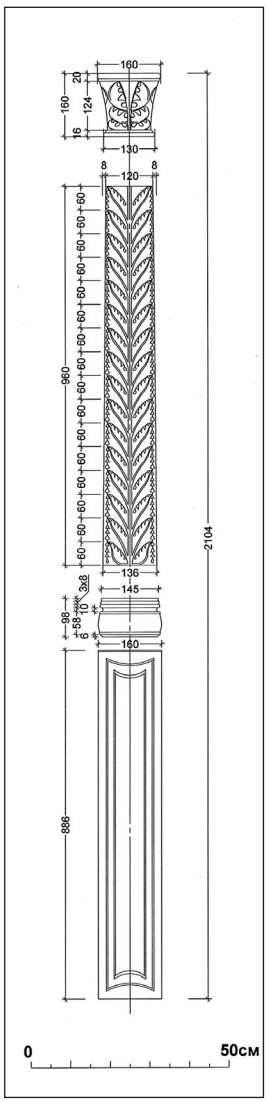

Рис. 8. Реконструкция капители, колонки, базы и столбика предалтарной преграды (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

щения с залегающей на нем битой керамической посудой отделялся слоем створок мидий. Нивелировочная подсыпка пола представляла собой плотный глинистый грунт желтовато-охристого цвета, залегавший непосредственно на материке (элювий глинистых сланцев — желто-оранжевая глина с примесью серой глины и мелкого гравия глинистых сланцев). Подсыпка (толщина 0,07–0,15 м) содержала значительное число включений деструктированного известкового раствора, в том числе и цемянкового, белой известковой штукатурки с тщательно заглаженной и выровненной лицевой поверхностью. Керамический материал представлен разрозненными обломками керамики, высокогорных кувшинов с плоскими ручками, стенок амфор и кухонной посуды. Здесь же найдена прямоугольная плитка (0,11 х 0,09 х 0,045 м) изготовленная из глиняной массы сходной со структурой черепка амфор «причерноморского типа». Верхний уровень пола был утрамбован. На глубине 0,10–0,12 м в нивелировочной засыпи найдена херсонско-византийская медная монета (фоллис) времени правления Константина VII Багрянородного (913–959) и одного из его соправителей — Романа I Лакапина (до 945 г.)[43]. Данная нумизматическая находка дала нам дату, не ранее которой было возведено и начало функционировать помещение кухни, т. е. не ранее середины X в.[44] В связи с рассматриваемой темой важно отметить, что в ходе раскопок Н.И. Репникова было найдено 11 византийских монет времени правления Македонской династии. Одна монета — Иоанна Цимисхия (969–976) столичного чекана, а остальные изготовлены на монетном дворе Херсонеса: 4 монеты императора Василия I (867–886), 1 — Василия и Константина IX (869–870); 3 — Романа I Лакапина (920–944) трех типов, 1 — Романа II (959–963); 1 – Иоанна Цимисхия (969–976)[45]. Несмотря на поч-

[43] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 461. Рис. 22, 2. Примеч. 134.

[44] Там же. С. 461. Рис. 22, 1.

[45] *Репников Н.И.* Партенитская базилика... С. 96. Примеч. 2.

ти полную утрату культурного слоя внутри храма, который до уровня полов был выбран при раскопках 1907 г. Н.И. Репникова, расчистка и изучение руин в 1998–2001 гг. оказались результативными. В некоторых местах базилики обнаружены остатки строительного горизонта первоначального здания X в., смешанного с отложениями глинистого грунта красно-коричневого цвета с галечным песком и известковой крошкой, идентичным кладочному раствору стен храма. В этих отложениях также присутствует отёс известняка (мергеля), наиболее мощное скопление которого отмечено в алтарном полукружии центрального нефа, где, по-видимому, был сосредоточен если не весь, то, по крайней мере, основной каменный декор храма. По стилевым признакам декоративное убранство базилики может быть отнесено ко второй половине — последней трети X в. (Рис. 6–10). В южной апсиде отложения наиболее раннего строительного горизонта были перекрыты вымосткой из красноглиняной плинфы, а в центральном нефе — известняковыми плитами, поверх которых установили стены часовни XVI (?) в. Исследования 1998–2001 гг. позволили уточнить архитектонику первоначального здания Партенитской базилики (Рис. 11, 12), которая существенно отличается от введенной в научный оборот Н.И. Репниковым (Рис. 4, А).

Особый интерес представляет коллекция архитектурных деталей полученных в ходе раскопок 1907 и 1998–2001 гг. Группа архитектурных деталей позволяет достаточно полно восстановить облик предалтарной преграды (τέμπλον) (Рис. 6–8). В ходе раскопок обнаружены фрагменты колонок, плит ограждения и столбиков (Рис. 8). Балка (архитрав), перекрывавшая весь пролет алтарной преграды шириной 5,12 м, вероятно, была деревянной. В центре алтарной преграды находились святые врата шириной 1,45 м. Четыре колонны высотой 0,96 м и диаметром 0,16 м покрывались резным орнаментом из листьев аканфа (Рис. 8). Как видим, для объемно-плановой структуры базилики характерно наличие трех полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных приделов (жертвенника и диаконника), глубокая вима, укороченный наос, разделенный на нефы аркадами с двумя промежуточными опорами в виде квадратных в сечении столпов[46]. При этом

[46] Р. Краутхаймер по планиграфическим характеристикам разделял культовые памятники на пять основных типов: 1) в плане имеют укороченный греческий крест; 2) октагонально-купольные здания; 3) композиция, соединяющая греческий крест с октагоном; 4) здания с амбулаторием, развивающие тему купольной базилики с галереями, встроенными в структуру крестово-купольного храма; 5) вписанный крест как самый распространенный в средневизантийское время (отчасти связаны с крестово-купольными композициями с частично изолированными угловыми компартиментами и куполом на четырех опорах, формируемых углами стен. См.: *Krautheimer R.* Ealy Christian and Byzantine Architecture. New Haven; London, 1986. P. 337–341. Партенитская базилика, на первый взгляд, не подходит ни к одному из представленных типов строений. Однако у нее квадратный наос с угловыми компартиментами и с трех сторон здание охватывают галереи, а это сближает ее с памятниками 4 и 5 типов.

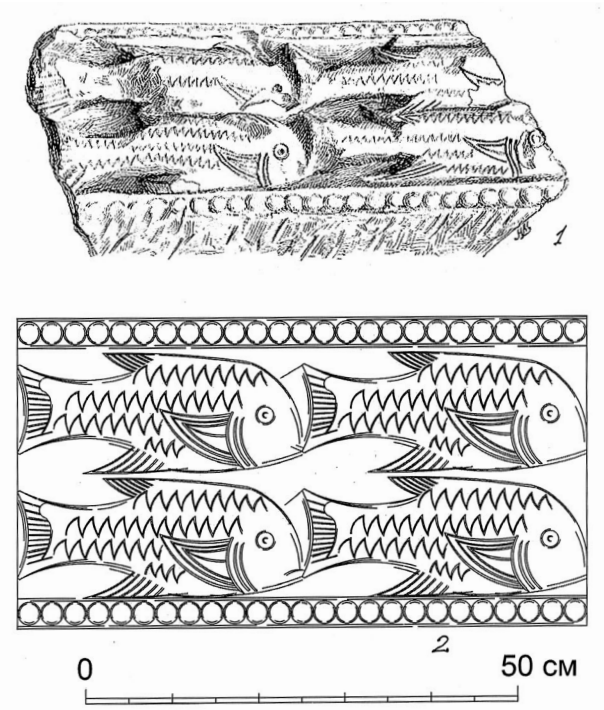

Рис. 9. Фрагмент облицовки верхней части апсиды с изображениями рыб:
1 — рисунок по Н.И. Репникову; 2 — реконструкция архитектора А.В. Мыца

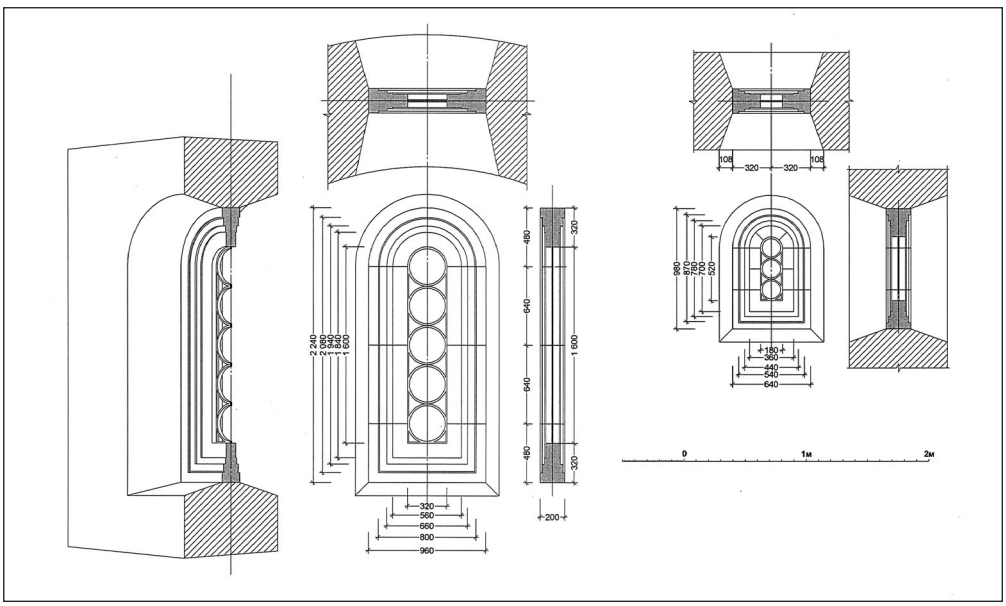

Рис. 10. Окна Партенитской базилики (реконструкция архитектора А.В. Мыца)

четыре свободно стоящие столпа не образовывают квадрат и поэтому не могли служить опорами для барабана и купола. Центральный неф возвышался над пониженными боковыми. Основной объем здания с трех сторон окружали узкие галереи со сквозными арками. Получалась относительно сложная планировка интерьера, по-видимому, отвечавшая художественным вкусам заказчика и его материальным возможностям. Учитывая общий объем строения, оно выглядело приземистым, а его реконструируемая высота не превышала 11 м или 34 византийских фута (Рис. 11). По-видимому, внешний облик храма был лишен каких-либо наружных украшений в виде узорной кирпичной кладки с орнаментированными розетками и рельефами. Экстерьер здания оживляли окна, установленные в декорированные рельефные рамы (Рис. 10, 11) и сквозные аркады обходной галереи. Таким образом, однообразие фасадов, аскетичный и неприхотливый внешний вид церкви нарушали только окна и арки галереи. Зато здание получило богатый внутренний интерьер. И если фресковая живопись не сохранилась, то дошедшие до нас элементы архитектурного декора (вырезанные из мергеля высокохудожественные карнизы, капитель, колонка, столбик, плиты предалтарной преграды)[47] и мозаики свидетельствуют о богатом и оригинальном оформлении интерьера храма.

Если время возведения базилики предположительно можно отнести к последней трети X в. и помещать в хронологических пределах первой половины правления византийского императора Василия II (976–1025), то имена зодчего и ктитора неизвестны. Учитывая статус постройки — кафоликон монастыря, — заказчиком мог выступать архиепископ Готии. Но для этого времени нам не известны имена готских архиереев.

Размеры базилики составляли 12,46 х 17,90 м (39 х 56 византийских футов), а вместе с обводной галереей они достигали 18,22 х 20,18 м (57 х 63 фута). Объемно-плановая структура здания храма позволяет отнести его к так называемым типовым базиликам Македонского возрождения[48], датируемым IX–XI вв. В Крыму они представлены «Базиликой 1987 г.»

---

[47] Недавно к теме изучения резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма обратился В.П. Кирилко. См.: *Кирилко В.П.* Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. Вып. 12. СПб., 2022. С. 135–147. К числу рассматриваемых автором памятников можем добавить Алушту, Пампук-Кая и Тепсень, на которых также выявлены архитектурные резные детали X в. из мергеля.

[48] К числу наиболее близких можно отнести церковь в местности Аврадака в Великом Преславе X–XI вв. См.: *Воронова А.А.* На границе Востока и Запада: Средневековая архитектура Сербии, Далмации и Истрии. М., 2015. С. 178. Илл. 62, 2; С. 197.

в Херсонесе[49] и еще тремя известными памятниками — базиликами Пампук-Кая[50], Мангупа[51] (на восточном обрыве плато), на Тепсене[52] («базилика Барсамова»). Более скромно выглядят «сельские» базилики Юго-Западного Крыма (у сел Поворотного[53] и Гончарного[54]), которые также являются архитектурными объектами периода Македонского возрождения, хотя даты их возведения исследователями явно были занижены на 1–2 столетия. Круг византийских церковных памятников IX–X вв. следует расширить за счет «Базилики Маркевича» близ Мангупа[55].

---

[49] А.В. Сазанов относит время возведения базилики к первым десятилетиям XI в. Она представляла собой трехнефное трехапсидное здание с полуциркульными апсидами. Общие размеры строения составляют 12 х 11 м. Относится к типу базилик с четырьмя свободно стоящими колоннами и устоями, соединяющимися с юго-западной стеной храма. См.: *Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 4. 1999. С. 276–316 (здесь: С. 278–279).

[50] *Якобсон А.Л.* Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 99. С. 65–72. Рис. 25–27.

[51] *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 122–139 (здесь: С. 130–131. Рис. 4).

[52] См.: *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931 гг. Феодосия, 1932. С. 4–9; *Бабенчиков В.П.* Итоги исследований средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 88–146 (здесь: С. 101); *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос локализации города Фуллы) // Советская археология. 1958. Т. 18. С. 198–218 (здесь: С. 215); *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. [Материалы и исследования по археологии СССР; 85]. М.; Л., 1958. С. 463. Рис. 9, 2.

[53] *Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // Античная древность и Средние века. 1976. Вып. 13. С. 9–26 (здесь: С. 11. Рис. 2).

[54] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. [Материалы и исследования по археологии СССР; 168]. М.; Л., 1970. С. 127. Рис. 8. Памятник представляет собой пятинефную и пятиапсидную базилику размером 11,4 х 15,5 м — кафоликон монастыря конца IX – первой половины X в. Хотя памятник был открыт в конце XIX в. (*Маркевичъ А.И.* Экскурсия на Мангуп // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Вып. 9. 1890. С. 101–107), исследовать его удалось только в 2012–2016 гг. См.: *Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И.* «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. Севастополь, 2017. С. 50–55; *Иожица Д.В.* Архитектурно-археологическая реконструкция «Базилики Маркевича» // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Международный византийский семинар (Севастополь-Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 115–120. Рис. 1–2.

[55] Данный памятник был открыт и изучался в 1877–1878 гг. Одесским обществом истории и древностей. См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. № 12. 1893. С. 41.

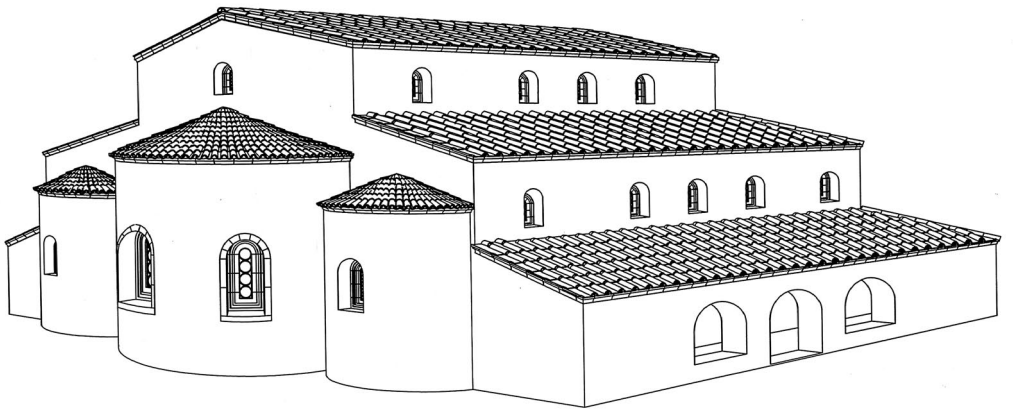

Рис. 11. Партенитская базилика. Первый этап существования памятника (последняя треть X–XI вв.). Вид с северо-востока (реконструкция архитектора А.В. Мыца)

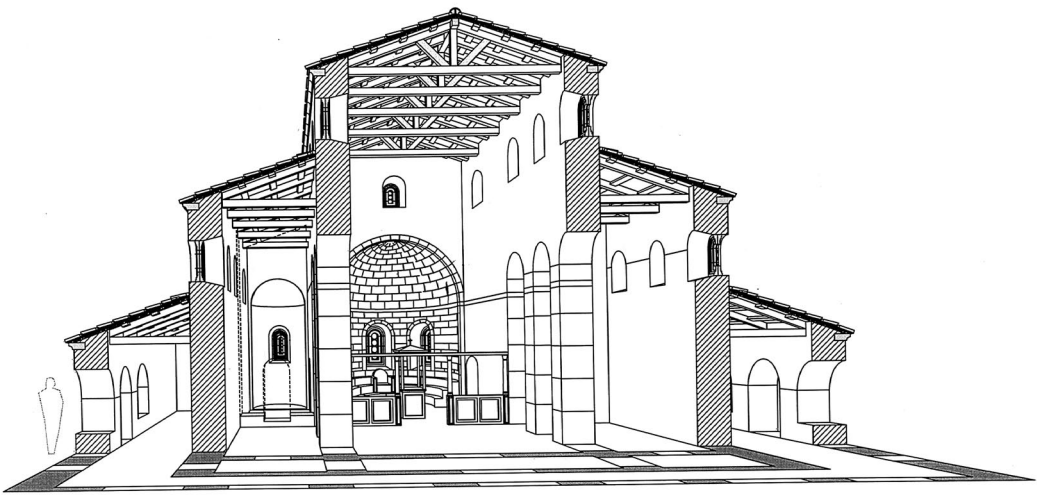

Рис. 12. Партенитская базилика: аксанометрия (выполнена архитектором А.В. Мыцом)

В целом на территории полуострова можно отметить более двух десятков архитектурно-археологических объектов IX–XI вв.

Обзор памятников периода Македонского возрождения начнем с византийского Херсона. Со второй половины X в. в городе не сооружали базиликальных строений. Здесь в X–XII вв. возводили компактные, вертикально акцентированные крестово-купольные (четыре церкви — № 6, 9, 21, 34 по классификации ИАК) и крестообразные храмы (шесть разновременных памятников). Среди крестово-купольных строений наиболее яркими чертами периода Македонского возрождения обладают три памятника (№ 6, 9 и 34). Храм № 34 представлял собой трехапсид-

ное здание размером 11,0 х 17,0 м (34 х 53 византийских фута) с шестью столпами и нартексом[56]. При этом средняя и восточная пара столпов образовывали подкупольный квадрат. А.Л. Якобсон первоначально датировал храм XI–XII вв.[57], а затем отнес дату его возведения к концу X в. Центральное пространство пола украшала мозаика, выполненная в технике *opus sectile*[58] и представлявшая собой три панно. Как отмечает Л.Г. Хрушкова: «Вымостка выполнена в технике инкрустации из плиток местного мраморовидного известняка желтоватого цвета, небольших фрагментов белого мрамора, тессер пасты темно-серого и белого цветов, а также смальты синего, зеленого и красноватого цветов, отформованной в виде мелких элементов геометрических форм: ромбов, треугольников, прямоугольников, квадратов»[59].

Типологически близким к «Шестистолпному» (№ 34) являются храм № 6[60] и так называемый Храм на сводах (№ 9). Он уступает только по размерам, составляющим 7,8 х 12,0 м. Церковь имеет три полукруглые апсиды, четыре квадратных в сечении столба. Его особенностью является наличие под полом храма крипты со сводами. Наиболее сохранившимся церковным зданием этого времени являются крестообразный храм № 19 («Храм с ковчегом») на участке античного театра и остатки

---

[56] *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). [Материалы и исследования по археологии СССР; 17]. М.; Л., 1950. С. 168.

[57] *Якобсон А.Л.* Мозаичный пол X в. в Херсонесе (Херсоне) // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 504–512.

[58] *Хрушкова Л.Г.* Полы opus sectile... С. 39. Илл. 4.

[59] Данная церковь исследовалась в 1891 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Имела форму плана близкую к храму № 34 с тремя апсидами и шестью квадратными столпами, но была меньших размеров. См.: *Айналов Д.В.* Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1 (Развалины храмов). М., 1905. С. 126–128.

[60] Здание церкви открыто К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г. и это наиболее крупное сооружение такого типа в Херсонесе (20,7 х 21,5 м, т. е. 65 х 67 византийских футов). О.И. Домбровский на основании своих раскопок 1955–1958 гг. пришел к заключению, что памятник следует датировать X или началом XI в.: *Домбровский О.И.* Отчет о раскопках в 1955 г. античного театра и «Храма с ковчегом» // Архив НЗХТ. Дело № 712; *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке античного театра // Сообщения Херсонесского музея. 1960. Вып. 1. С. 36–42 (здесь: С. 37–38); *Яшаева Т.Ю.* Крестообразный храм с ковчегом // Раннесредневековые сакральные постройки Херсонеса Таврического. Познань, 2004. С. 85–88. Датировка памятника (от VI до X в.) вызвала споры и породила обильную историографию. См.: *Романчук А.И.* Херсонес-Херсон. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография в 2 томах. Т. 2 (Византийский город). Тюмень, 2008. С. 326–330. Интерес к этому архитектурному объекту не ослабевает, что вызвало необходимость выполнить обмеры храма с использованием современного лазерного оборудования. См.: *Беляев С.А.* Итоги работы экспедиции по архитектурным обмерам «храма с ковчегом», раскопанного в Херсонесе в 1897 году // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1 (70). 2013. С. 153–157.

крестообразного храма на некрополе Херсонеса в западной части города, исследованный в 1985 г. А.И. Романчук[61].

На остальной территории Юго-Западного Крыма, архитектурные новации в виде крестообразных и крестово-купольных церквей не получили широкого развития. За пределами Херсона крестообразные храмы выявлены в ходе раскопок на юго-восточном склоне Мангупа[62] и под Баклой[63]. Единственный пещерный монастырский храм Святой Софии крестообразной формы известен рядом с Каламитой[64]. Отличительной особенно церковной архитектуры Юго-Западной Таврики являлось длительное использование (до конца XV в.) архаичной базиликальной формы храма. Известны две относительно крупных базилики на территории Готии, существовавшие до османского завоевания 1475 г.: храм Святых апостолов Петра и Павла в Партените[65] и Мангупская базилика[66]. Причем в X–XI вв. существовали как Эски-Керменская[67], так и Мангупская базилики.

Надо отметить, что Партенитская базилика не выглядит одиноко на историческом фоне христианских памятников приморской Готии. Здесь, на территории каждого относительно крупного византийского поселения IX–XI вв. (Алустон, Партенит, Гурзуф, Ялита, Симеиз, Ласпи), в ходе археологических исследований в разное время выявлены следы православных храмов. Большинство этих церквей строились в X в. Они представляют собой относительно небольшие одноапсидные храмы с прямоугольным наосом. В самом Партените, на горе Кале-Поти, отмечены руины четырех церквей, которые до сих пор остаются неизученными,

---

[61] *Лосицкий Ю.Г.* Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной. [Археологический альманах. № 33]. Киев, 2015. С. 179–199 (здесь: С. 180).

[62] См.: *Мыц В.Л.* Отчет о раскопках у подножия Мангупа в 1981 г. Научный архив Института археологии НАНУ. Д. 1981/3 г. 13 с., 81 табл.; *Он же*. Загородный храм и некрополь Мангупа // Античная древность и Средние века. 1984. Вып. 21. С. 57–66; *Он же*. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1. С. 224–242.

[63] *Рудаков В.Е.* Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // Античная древность и Средние века. 1984. Вып. 21. С. 35–57.

[64] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 22–30. Рис. 96, 99–101.

[65] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Партенитская базилика... С. 502–503.

[66] *Репников Н.И.* О датах базилик Юго-Западного Крыма // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. СПб.: Алетейя, 2009. С. 168–175; *Кирилко В.П.* Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. № 1. 1997. С. 89–98.

[67] См.: *Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59; *Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 99–113.

а всего в долине известны строительные остатки восьми храмов[68]. Кроме того, на самом Аю-Даге и склонах горы разведками установлено местоположение девяти средневековых церквей (Рис. 1, 26–32, 38, 39) [69]. Одну интересную находку из Партенита недавно опубликовал В.П. Кирилко. Речь идет о фрагменте декорированного врезным орнаментом карниза, изготовленного из мергеля[70].

В цитадели крепости Алустон в 1987–1989 гг. открыты руины византийского храма. Хотя памятник раскопан полностью, опубликован только план неоднократно перестраивавшейся церкви IX–XV вв. и краткая надпись о ее последнем восстановлении в 1404 г.[71] К X в. относятся руины трехнефной трехапсидной базилики общими размерами 10,55 м (длина) и 11,50 м (ширина). Апсиды полукруглые, стены сложены из бутового камня на известковом растворе, толщина апсид — 0,74 м, несущих стен — 0,62–0,65 м. При формировании откосов входов и углов строения местами использовались сполии из нуммулитового известняка и капсельского ракушечника. Толщина стен указывает на то, что церковь имела стропильное перекрытие с черепичной кровлей. Характер деления храма на нефы (путем установки колонн или столпов) не удалось выяснить из-за более поздних перестроек: ширина центрального нефа — 4,40/50 м, южного — 2,40 м, северного — 1,60–2,25 м. Ассиметрия плана здания, видимо, была обусловлена тем, что храм встраивали в более раннюю крепостную застройку. Из внутреннего архитектурного убранства X в. почти ничего не сохранилось. Можем назвать только фрагмент детали с листком аканфа (вырезана из мергеля), чашу из белого мрамора, фрагмент круглой в сечении и витой колонки (из нуммулитового известняка, диаметр 6,5 см) от кивория (?)[72]. Храм разрушен

---

[68] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Т. 32 (Проф. Дин Георги Атанасов на 60 годин). Силистра, 2017. С. 279–304 (здесь: С. 295–297, № 70–77).

[69] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Храм XIV–XV веков монастыря Успения пресвятой Богородицы в бухте Панаир (гора Аю-Даг) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 112 (Царьградский сборник: К XXIV Международному Конгрессу византинистов: Венеция, Падуя, 22–27 августа 2022 года). СПб., 2022. С. 12–20. Илл. 1.

[70] Само изделие небольших размеров (высота — 12 см, ширина — 14 см, длина — 11 см) и представляет собой «нижнюю угловую часть массивной плиты с тремя частично смежными сторонами» (*Кирилко В.П.* Фрагмент мергелевого карниза из Партенита // XV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А.Алексеенко. Севастополь-Балаклава, 5–9 июня 2023 г. Симферополь, 2023. С. 155–162).

[71] См.: *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке: Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С. 345. Рис. 222; *Кирилко В.П.* Главный храм Средневековой Алушты // Великотърновският университет «Св.Св. Кирил и Методий» и Българската археология. Т. 2. Велико Търново, 2016. С. 751–766.

[72] Фрагмент найден при раскопках башни XV в. (Орта-Куле) и поэтому нельзя исключать, что данная колонка не использовалась генуэзцами при сооружении сложного (с двойными или тройными арками) окна. См.: *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро... Рис. 181,3.

в пожаре конца X в. Вдоль северо-западной стены строения сохранился слой горения. Из него происходят византийские амфоры, кувшины, обломки белоглиняной посуды X в. В слое этого времени (в цитадели Алустона) найден солид Никифора II Фоки (963–969)[73].

В 1871 г.(?) Д.М. Струковым на северном склоне г. Дженевез-Кая (в непосредственной близости от Гурзуфской крепости) выявлены руины трехапсидного трехнефного храма[74]. Территория памятника в 1849 г. была частично застроена, и потому московский художник ограничился съемкой и публикацией схематичного плана, представив к нему краткую аннотацию. На чертеже Д.М. Струкова изображена церковь, состоящая из наоса с тремя нефами и без нартекса. Внутреннее пространство храма разделено на нефы четырьмя опорами в виде квадратных столпов. Проводивший в 1956–1966 гг. раскопки Гурзуфской крепости О.И. Домбровский, интерпретировал памятник как остатки большой базилики, а расположенные в церкви могилы датировал XI–XII вв.[75] С.Г. Бочаров, суммировав доступный архивный материал о памятнике, высказал предположение, что данная церковь являлась крестово-купольным храмом[76].

В Ялте на мысе Святого Иоанна в X–XIII вв. располагался византийский монастырь[77]. В его центре находился кафоликон в виде трехнефной и трехапсидной базилики. С.Г. Бочаров восстанавливает примерные размеры храма в пределах 13 х 17 м[78]. Храм был взорван в 1774 г. турками и никогда не подвергался архитектурно-археологическому исследованию[79].

Монастырская церковь X–XIII вв. изучалась О.И. Домбровским в 1966 г. на нижней площадке скалы Панеа в Симеизе. Раскопками выявлены руины трех разновременных храмов. Наиболее поздняя церковь XIV–XV вв. была связана с генуэзским замком. Ее стены покоились на поверхности пола со следами сильного пожара последней трети XIII в. Поздневизантийский храм имел половую вымостку, состоявшую из плит белого мрамора. Наиболее интересным оказалось строение IX–X вв. На открытом раскопками фрагменте размером 1,5 х 3,0 м исследователем открыта поверхность мозаичного пола с изображением двух павлинов,

---

[73] *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // Stratum plus. 1999. № 6. С. 123–127.

[74] *Струков Д.М.* Древние памятники... С. 36.

[75] *Домбровский О.И.* Крепость в Горзувитах. Симферополь, 1972. С. 83.

[76] *Бочаров С.Г.* Средневековые храмы Гурзуфа // Казанская наука. 2014. № 11. С. 26–32.

[77] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991. С. 145.

[78] *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004. С. 186–200 (здесь: С. 186).

[79] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви... С. 298.

размещенных по сторонам канфара. Художественную композицию обрамляла «плетенка», заполненная фигурками небольших птиц, гроздями винограда и цветами.

По замечанию О.И. Домбровского «мозаика была выполнена не ранее X в. <...> с широким применением смальт — голубых, синих, зеленых, лимонно-желтых позолоченных»[80]. Автор раскопок также предположил, что «исполнитель мозаики прибыл из Херсонеса со всеми необходимыми заготовками, так как местный или заморский мастер смог бы найти на берегу рядом с Панеа не менее красочные материалы»[81]. А.Л. Якобсон, делая обзор раннесредневековых памятников Юго-Западного Крыма, дал (ничем не подтвержденное) определение храму X в. на скале Панеа как базиликальной постройке[82].

В 60-х гг. XX в. базиликальное здание обнаружено в Ласпинской долине[83] на северо-западном склоне г. Мачук. Церковь принадлежала средневековому поселению, расположившемуся на склоне горы и недалеко от выхода из долины на Мачукский перевал. Напротив этого комплексного памятника находится хорошо известная гора Ильяс-Кая с руинами монастыря Святого Ильи X–XIII вв.[84] В 1965 г. О.И. Домбровский в ходе археологических разведок произвел зачистку стен небольшой одноапсидной церкви. Более углубленное изучение данного памятника в 1976 г. произвела Е.А. Паршина[85]. В ходе этих работ был открыт храм размером: длина — 6,30 м, ширина — около 3,0 м. Диаметр подковообразной апсиды достигал 2,06 м. Стены (толщина 0,60–0,65 м) сложены из разномерного бутового камня на известковом растворе. Пол выстилался необработанными плитками песчаника. Под полом обнаружена бронзовая чаша и клад из 26 серебряных монет Крымского ханства XV–XVI вв. Поздняя церковь оказалась возведена на руинах более раннего трехапсидного и трехнефного храма. Примерные размеры базилики (сооружена на отдельной верхней искусственной террасе) составляют 10,50 х 13 м. В XV в. на развалинах ее северного нефа возвели небольшую церковь. Использование стен более раннего здания

---

[80] *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» крымского Южнобережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев, 1974. С. 5–55 (здесь: С. 28. Рис. 18).

[81] Там же. С. 28–29. Рис. 17, 18.

[82] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... С. 22.

[83] Описание Ласпинской долины и ее памятников см: *Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 405–432. Рис. 145, 12.

[84] *Домбровский О.И.* Средневековые поселения... С. 23–25. Рис. 14, 15.

[85] *Паршина Е.А.* Исследования в урочище Ласпи // АО 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1977. С. 350.

привело к ассиметричному расположению алтаря позднего храма[86], так как ширина левого плеча составляла 0,60 м, а с правой стороны апсида плавно сливалась со стеной.

На основании этих данных А.В. Иванов считает, что малую церковь (не позднее XV в.) возвели на руинах северного нефа более раннего трехапсидного храма. Кроме того, им высказано предположение, что данная церковь была возведена во имя Святого Георгия[87].

Среди архитектурно-археологических памятников Крыма периода Македонского возрождения особое место занимает один уникальный на сегодняшний день объект. Это руины дворцового здания, открытые в Ласпинской долине и изучавшиеся Е.А. Паршиной в 1978–1981 гг. В ходе раскопок дворец получил условное название «Большого дома» из-за того, что выделялся своими размерами (около 10 х 20 м). К сожалению, памятник остался не доследован, а полученные в ходе его раскопок материалы не опубликованы[88]. Несмотря на это, объект нашел отражение в работах ряда авторов. О.И. Домбровский отметил, что при раскопках «Большого дома» в Ласпи найдены «обломки шестигранного анта, капитель которого была украшена резными изображениями фантастических птиц или грифонов, а грани испещрены граффити — это надписи на греческом языке и несколько человеческих изображений»[89]. Широкий исторический контекст памятника предлагает С.Б. Сорочан, отмечающий дворцовый характер строения, которое могло служить резиденцией византийского простатевона[90].

---

[86] *Бочаров С.Г., Кирилко В.П.* Средневековые церкви... С. 282. № 6.

[87] *Иванов А.В.* Древности Ласпинской долины в сочинениях П.И.Кеппена и его современников // О древностях Южного берега и гор Таврических / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев, 2004. С. 58–64 (здесь: С. 60. Примеч. 2, 3).

[88] См.: *Паршина Е.А., Мыц В.Л.* Раскопки в урочище «Ласпи» // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1979. С. 382–383; *Паршина Е.А.* Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи // АО 1979 года / Отв. ред Б.А. Рыбаков. М., 1980. С. 321.

[89] *Домбровский О.И.* Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. Т. 3 (Раннеславянский и древнерусский периоды) / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1986. С. 518–535.

[90] См.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 691; *Он же*. К вопросу об облике городищ-полисм и «кастра племен» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 91–100 (здесь: С. 95–96). К сожалению, автор допускает неточности при характеристике памятника: 1) занижает дату строительства; 2) полы дворца были мозаичными в технике opus sectile; 3) нет оснований говорить, что кладка стен была возведена на глине, но в технике opus mixtum, т. к. фрагмент стены в такой технике обнаружен в 50 м к юго-западу от дворца на склоне возвышенности.

Фрагментированной многогранной колонке с надписями уделил внимание А.В. Виноградов, датировавший памятник XI–XII вв. Он отметил наличие очень редких для Крыма имен — Угрий и Антиох. Виноградову удалось прочитать несколько инвокативных выражений: «Господи, помоги Своему рабу Угрию», «Господи, помоги Своему рабу грешному Иоанну», «Господи, помоги Своему рабу Антиоху...»[91] и т. д.

В.П. Кирилко, занявшийся предметным изучением ласпинской лапидарной коллекции, установил, что фрагменты принадлежат четырем изделиям: двум колонкам (одна была круглой), другая имела восьмигранное сечение. Особенно интересными оказалась фрагменты двузонной капители с украшением в виде фигур орлов и листьев мелкозубчатого аканфа[92].

Дворцовое строение ориентировано по сторонам света. Толщина стен (0,96 м) свидетельствовала о том, что здание было двухэтажным. Кладка стен на глине состояла из тщательно уложенного бутового камня. Половая мозаика типа *opus sectile*. В отделке пола помещений (залов) использовались керамические квадратные, треугольные, прямоугольные и фигурные красные плитки (8 х 8 х 1,4 см) с вогнутыми внутрь краями и ладьевидные бруски из белого мрамора (8 х 4 х 1,4 см). При плотной стыковке данные детали мозаики создавали яркий контрастный ковровый узор. Стены покрывала белая известковая штукатурка с росписью (под мрамор?) синего и черного тонов. Видимо, на уровне второго этажа располагались двойные (?) арочные окна. На это могут указывать не только осколки плоского оконного стекла из слоя пожара, но и фрагменты колонок с капителями. Кровля состояла из стропил, покрытых обрешеткой и массивной черепицей (керамидами и калиптерами). Дворец погиб в пожаре X в. и больше не восстанавливался.

В заключение следует отметить, что упомянутыми (их пока 24) памятниками X в. не исчерпывается богатство архитектурно-археологической картины полуострова в период правления Македонской династии (867–1056). Несомненно, что каждый из выявленных объектов нуждается в более пристальном изучении. Византийские истоки этих строений не вызывают сомнения, однако по ним пока невозможно проследить формирование региональной архитектурно-строительной традиции. Среди упомянутых зданий, соотносимых с памятниками периода Македонского возрождения IX–XI вв., безусловно, одним из наиболее ярких выступает Партенитская базилика. Вместе с тем следует признать, что несмотря

---

[91] Inscriptiones antique Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE3). URL: https://iospe. kcl.ac.uk/index-ru.html. 7,V236 (дата обращения 3.09.2023).

[92] См.: *Кирилко В.П.* Ласпинская лапидарная коллекция // Материалы XVI Дмитровских чтений. Ялта, 2022. С. 74–76. Рис. 3, 4. *Он же*. Ласпинская капитель с орлами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 6. С. 6–20.

на объемную историографию, посвященную этому памятнику, остается нерешенным вопрос определения архитектурного типа и происхождения зодчего, возводившего базилику в последней трети X в. По времени строительства Партенитский храм близок выдающемуся памятнику Македонского возрождения — Десятинной церкви в Киеве, возведенной в 986–996 гг. «мастерами от грек». Несмотря на длительность изучения храма Пресвятой Богородицы, архитектурный тип киевского собора всё еще остается дискуссионным[93].

References

Adaksina, S.B., and Myts, V.L. "Khram XIV–XV vekov monastyr'a Uspeniia presvyatoi Bogorodicy v bukhte Panair (gora Ayu-Dag) [Church of the 14th–15th Centuries of the Monastery of the Dormition of the Holy Mother of God in Panair Bay (Ayu-Dag Mountain)]." In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 112. Saint-Petersburg, 2022. P. 12–20 (in Russian).

Adaksina, S.B., and Myts, V.L. "Nakhodki zolotykh vizantiiskikh monet iz raskopok Alustona [Gold Byzantine Coins Discovered at Aluston]." *Stratum plus* 6 (1999). P. 123–127 (in Russian).

Adaksina, S.B., and Myts, V.L. "Partenitskaia bazilika v X–XI vv. (pervyi etap sushchestvovaniia pam'atnika) [Parthenite Basilica in the 10th–11th Centuries (The First Stage of the Monument's Existence)]." *Khristianskii vostok* 6 (2013). P. 405–433 (in Russian).

Babenchikov, V.P. "Itogi issledovanii srednevekovogo poseleniia na kholme Tepsen' [Results of the Research of the Medieval Settlement on the Tepsen Hill]." In *Istoriia i arkheologiia srednevekovogo Kryma*. Moscow, 1958. P. 88–146 (in Russian).

Barsamov, N.S. *Soobshchenie ob arkheologicheskikh raskopkakh srednevekovogo gorodishcha v Koktebele 1929–1931 gg. [Report on Archaeological Excavations of the Medieval Settlement in Koktebel 1929–1931]*. Feodosiya, 1932 (in Russian).

Belyaev, L.A. *Khristianskie drevnosti: vvedenie v sravnitel'noe izuchenie [Christian Antiquities: An Introduction to Comparative Study]*. Saint-Petersburg, 2020 (in Russian).

Belyaev, S.A. "Itogi raboty ehkspeditsii po arkhitekturnym obmeram "khrama s kovchegom", raskopannogo v Khersonese v 1897 godu [Results of the Expedition's Work on Architectural Measurements of the "Temple with the Ark" Excavated in Chersonesos in 1897]." *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* 1 (2013). P. 153–157.

[93] *Ёлшин Д.Д.* Архитектурный тип Десятинной церкви в Киеве: историография проблемы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53 (Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара: 17–21 ноября 2009 года). СПб., 2010. С. 349–360.

Bocharov, S.G. “Srednevekovye khramy Gurzufa [Medieval Churches of Gurzuf].” *Kazanskaia nauka* 11 (2014). P. 26–32 (in Russian).

Bocharov, S.G. “Zametki po istoricheskoi geografii Genuehzskoi Gazarii XIV–XV vv. Yuzhnyi bereg Kryma [Notes on the Historical Geography of the Genoese Gazaria of the 14th–15th Centuries. The Southern Coast of Crimea].” In *“O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh”: Sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest’ 210-letiia so dn’a rozhdeniia Petra Ivanovicha K’oppena)*. Kiev, 2004. P. 186–200 (in Russian).

Bocharov, S.G., and Kirilko, V.P. “Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map).” *Dobrudzha* 32 (2017). P. 279–304 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. “Srednevekovye poseleniia i «Isary» Krymskogo Iuzhnoberezh’ia [Medieval Settlements and “Hissars” of the Crimean South Coast].” In *Feodal’naia Tavrika*, ed. by S.N. Bibikov. Kiev, 1974. P. 5–55 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. “Srednevekovyi Krym X–XV vv. [Medieval Crimea, X–XV Centuries].” In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR*, ed. by V.D. Baran. Vol. 3. Kiev, 1986. P. 518–535 (in Russian).

Dombrovskii, O.I. *Krepost’ v Gurzuvitakh [Fortress in Gurzuvita]*. Simferopol, 1972 (in Russian).

Dombrovskii, O.I., and Parshina, E.A. “O rannesrednevekovoi zastroike antichnogo teatra [On the Early Medieval Site Development of the Ancient Theatre].” In *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia* 1 (1960). P. 36–42 (in Russian).

Firsov, L.V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma [Hissars: Essays on the History of Medieval Fortresses of the Southern Coast of Crimea]*. Novosibirsk, 1990 (in Russian).

Iozhica, D.V. “Arkhitekturno-arkheologicheskaia rekonstruktsiia “Baziliki Markevicha” [Architectural and Archaeological Reconstruction of “Markevich’s Basilica”].” In *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis. Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar (Sevastopol-Balaklava, 3–7 iiun’a 2019 g.). Materialy nauchnoi konferentsii*, ed. by N.A. Alekseenko. Simferopol, 2019. P. 115–120 (in Russian).

Ivanov, A.V. “Drevnosti Laspinskoi doliny v sochineniiakh P.I. Keppena i ego sovremennikov [Antiquities of the Laspi Valley in the works of P.I. Köppen and his Contemporaries].” In *O drevnostyakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh*, ed. by V.L. Myts. Kiev, 2004. P. 58–64 (in Russian).

Kazhdan, A. “Hē epokhē tou Kōnstantinou Z’ Porfyrogennētou [The Epoch of Constantine Porphyrogenitus].” *Diabazō* 129 (1985). P. 17–20 (in Greek).

Khrushkova, L. “Opus sectile Pavements in the Crimea and on the East Coast of the Black Sea.” In *11th International Colloquium on Ancient Mosaics. October 16th–20th 2009. Bursa, Turkey*, ed. by M. Sahin. Istanbul, 2011. P. 505–518.

Khrushkova, L.G. “Bazilika v Partenite: vymostka opus sectile, khronologiia pam’atnika i sv. Ioann Gotskii [Basilica in Parthenite: Pavement *opus sectile*, Chronology of the Monument and St. John of Gothia].” In *VI Mezhduna-*

rodnaia konferentsiia po tserkovnoi arkheologii. Khersones — gorod sv. Klimenta: tezisy dokladov i soobshchenii. Sevastopol, 2011. P. 47 (in Russian).

Khrushkova, L.G. "Poly opus sectile v Vostochnom Prichernomor'ie, Krymu, Kieve: vizantiiskii kontekst [*Opus sectile* Floors in the Eastern Black Sea Region, Crimea, Kiev: The Byzantine Context]." *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 65 (2012). P. 34–59 (in Russian).

Khrushkova, L.G. "Vymostki opus sectile v Prichernomor'ie i Kieve: sredizemnomorskii kontekst [*Opus sectile* Pavements in the Black Sea Region and Kiev: The Mediterranean Context]." In *Rossiiskoe vizantinovedenie. Traditsii i perspektivy: tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov. Moskow, 27–29 ianvar'a 2011 g*. Moscow, 2011. P. 215–218 (in Russian).

Kirilko V.P. "Laspinskaia lapidarnaia kollektsiia [Lapidary Collection from Laspi]." In *Materialy XVI Dmitrievskikh chtenii*. Yalta, 2022 P. 74–76 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Capital with Eagles from Laspi." *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 27/6 (2022). P. 6–20 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Fragment mergelevogo karniza iz Partenita [Fragment of a Marl Cornice from Parthenite]." In *XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii, ed. by N.A. Alekseenko. Sevastopol-Balaklava, 5–9 iiun'a 2023 g*. Simferopol, 2023. P. 155–162 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Glavnyi khram Srednevekovoi Alushty [The Main Temple of Medieval Alushta]." In *Velikotrnovskiiat universitet «Sv.Sv. Kiril i Metodii» i Blgarskata arkheologiia*. Vol. 2. Veliko Trnovo, 2016. P. 751–766 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Iskusstvovedcheskie i arkheologicheskie realii reznogo dekora iz mergel'a v arkhitekture srednevekovogo Kryma [Art History and Archaeological Realities of Carved Decor from Marl in the Architecture of Medieval Crimea]." In *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: Sbornik nauchnyh statei*, ed. by A.V. Zakharova, S.V. Mal'tseva, E.Iu. Stan'ukovich-Denisova. Issue 12. Saint-Petersburg, 2022. P. 135–147 (in Russian).

Kirilko, V.P. "Vizantiiskaia arkhitektura Mangupa [Byzantine Architecture of Mangup]." *Arkheologiia Kryma* 1 (1997). P. 89–98 (in Russian).

Kozlov, V.F. "Pam'atniki pravoslavnogo Kryma v zhizni moskovskogo khudozhnika i arkheologa D.M. Strukova [Monuments of Orthodox Crimea in the Life of Moscow Painter and Archaeologist D.M. Strukov]." In *Moskva-Krym: Istoriko-publitsisticheskii al'manakh*. Issue 4. Moscow, 2002. P. 316–323 (in Russian).

Kozlov, V.F. "Pevets pravoslavnoi Tavridy (moskovskii khudozhnik D.M. Strukov i Krym) [Singer of Orthodox Taurida (A Painter from Moscow D.M. Strukov and Crimea)]." In *Predvestie: Krymskii literaturno-filosofskii zhurnal* 5 (1993). P. 87–98 (in Russian).

Krautheimer, R. *Ealy Christian and Byzantine Architecture*. New Haven; London, 1986.

Kropotkin, V.V. "Iz istorii srednevekovogo Kryma (Chufut-Kale i vopros lokalizacii goroda Fully) [From the History of Medieval Crimea (Chufut-

Kale and the Question of the Localization of the City of Fulla)].” *Sovetskaia arkheologiia* 18 (1958). P. 198–218 (in Russian).

Lazarev, V.N. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi [History of Byzantine Painting]*. Vol. 1–2. Moscow, 1986 (in Russian).

Lositskii, Iu.G. “Khramy srednevekovogo Kryma IV–XIV vv. (soobrazheniia po rekonstruktsii i restavratsii) [Churches of Medieval Crimea of the 4th–14th Centuries (Considerations on Reconstruction and Restoration)].” In *Drevn’aia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posv’ashchennyi iubileiu E.A. Parshinoi*. [Arkheologicheskii al’manakh; 33]. Kiev, 2015. P. 179–199 (in Russian).

Lositskii, Iu.G., and Parshina, E.A. “Eski-Kermenskaia bazilika [Basilica of Eski-Kermen.” In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii*. Kiev, 2002. P. 99–113 (in Russian).

Mishakova, I.A. “K istoriografii srednevekovogo Renessansa [The Historiography of the Medieval Renaissance Revisited].” In *Problemy vseobshchei istorii: Sbornik statei*. Moscow, 1974. P. 300–316 (in Russian).

Mogarichev, Iu.M. *Peshchernye cerkvi Tavriki [Cave Churches of Taurica]*. Simferopol, 1997 (in Russian).

Myts, V.L. “Krestoobraznyi khram Mangupa [The Cross-Shaped Church of Mangup].” *Sovetskaia arkheologiia* 1 (1990). P. 224–242 (in Russian).

Myts, V.L. “Zagorodnyi khram i nekropol’ Mangupa [Country Church and Necropolis of Mangup].” *Antichnaia drevnost’ i Srednie veka* 21 (1984). P. 57–66 (in Russian).

Myts, V.L. *Kaffa i Feodoro v XV veke: Kontakty i konflikty [Kaffa and Theodoro in the 15th century: Contacts and conflicts]*. Simferopol, 2009 (in Russian).

Myts, V.L. *Ukrepleniia Tavriki X–XV vv. [Fortifications of Taurica, 10th–15th c.]*. Kiev, 1991 (in Russian).

Naumenko, V.E., Iozhitsa, D.V., and Nabokov, A.I. ““Bazilika Markevicha” na iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovanii 2012–2016 gg.) [“Markevich Basilica” on the Southern Periphery of the Mangup Settlement (Based on Research Materials from 2012–2016)].” In *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia “Arkheologiia srednevekovogo khrama”, k 170-letiiu K.K. Kosc’ushko-Val’uzhinicha. Materialy konferentsii*. Sevastopol, 2017. P. 50–55 (in Russian).

Parshina, E.A. “Eski-Kermenskaia bazilika [Basilica of Eski-Kermen].” In *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. Kiev, 1988. P. 36–59 (in Russian).

Repnikov, N.I. “O datakh bazilik Iugo-Zapadnogo Kryma [About the Dates of Basilicas of South-Western Crimea].” In *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa*, ed. by S.A. Belyaev. Saint-Petersburg, 2009. P. 168–175 (in Russian).

Romanchuk, A.I. “Raskopki sel’skogo poseleniia v nizov’iakh reki Bel’bek [Excavations of a Village Settlement in the Lower Reaches of the Belbek River].” *Antichnaia drevnost’ i Srednie veka* 13 (1976). P. 9–26 (in Russian).

Romanchuk, A.I. *Khersones-Kherson. Raskopki. Gipotezy. Problemy [Chersonesos-Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems]*. Vol. 1–2. Tyumen, 2008 (in Russian).

Rudakov, V.E. "Khristianskie pam'atniki Bakly. Khramovyi kompleks X–XIII vv. [Christian Monuments of Bakla. Church Complex of the 10th–13th Centuries]." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 21 (1984). P. 35–57 (in Russian).

Sazanov, A.V. "Bazilika 1987 g. i nekotorye problemy interpretacii pamyatnikov khristianskogo Khersonesa [The Basilica of 1987 and Some Problems of Interpretation of Monuments of Christian Chersonesos]." In *Prichernomor'ie v srednie veka*, ed. by S.P. Karpov. Issue 4. 1999. P. 276–316 (in Russian).

Shevchenko, I.I. "Perechityvaia Konstantina Bagryanorodnogo [Rereading Constantine Porphyrogenitus]." *Vizantiiskii vremennik* 54 (1993). P. 6–38 (in Russian).

Sorochan, S.B. "K voprosu ob oblike gorodishch-polism i "kastra plem'on" v okrestnost'akh vizantiiskogo Khersona vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine IX v. [On the Issue of the Appearance of the Polis-Fortified Settlements and "Castra of Tribes" in the Vicinity of Byzantine Chersonesos in the Second Half of the 7th – First Half of the 9th Century.]." *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* 2/2 (2016). P. 91–100 (in Russian).

Sorochan, S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaia polovina X v.). Ocherki istorii i kul'tury [Byzantine Chersonesos (Second Half of the 10th Century – First Half of the 10th Century). Essays on History and Culture]*. Part 2. Kharkov, 2005 (in Russian).

Veimarn, E.V., Loboda, I.I., Pioro, I.S., and Choref, M.Ia. "Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kn'azhestva Feodoro [Archaeological Research of the Capital of the Principality of Theodoro]." In *Feodal'naia Tavrika*. Kiev, 1974. P. 122–139 (in Russian).

Voronova, A.A. *Na granitse Vostoka i Zapada: Srednevekovaya arkhitektura Serbii, Dalmatsii i Istrii [On the Border of East and West: Medieval Architecture of Serbia, Dalmatia and Istria]*. Moscow, 2015 (in Russian).

Weitzmann, K. "The Classical Mode in the Period of the Macedonian Emperors: Continuity or Revival?" In *Byzantina kai Metabyzantina*, ed. by S. Vrionis. Vol. 1. Malibu, 1978. P. 71–85.

Weitzmann, K. *The Joshua Roll: A Work of the Macedonian Renaissance*. [Studies in Manuscript Illumination; 3]. Prinston, 1948.

Yakobson, A.L. "Mozaichnyi pol X v. v Khersonese (Khersone) [Mosaic Floor of the 10th Century in Chersonesos (Kherson)]." In *Pam'atniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1982*. Leningrad, 1984. P. 504–512 (in Russian).

Yakobson, A.L. "Novyi pam'atnik rannesrednevekovoi arkhitektury v Krymu [New Monument of Early Medieval Architecture in Crimea]." *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* 99 (1964). P. 65–72 (in Russian).

Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovye poseleniia Vostochnogo Kryma [Early Medieval Settlements of the Eastern Crimea]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 85]. Moscow; Leningrad, 1958 (in Russian).

Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovye sel'skie poseleniia iugo-zapadnoi Tavriki [Early Medieval Village Settlements of Southwestern Taurica]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 168]. Moscow; Leningrad, 1970 (in Russian).

Yakobson, A.L. *Rannesrednevekovyi Khersones [Early Medieval Chersonesos]*. [Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR; 63]. Moscow; Leningrad, 1959 (in Russian).

Yakobson, A.L. *Srednevekovyi Khersones (XII–XIV vv.) [Medieval Chersonesos (12th–14th Centuries)]*. [Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 17]. Moscow; Leningrad, 1950 (in Russian).

Yashaeva, T.Iu. "Krestoobraznyi khram s kovchegom [Cross-Shaped Church with an Ark]." In *Rannesrednevekovye sakral'nye postroiki Khersonesa Tavricheskogo*. Poznan, 2004. P. 85–88 (in Russian).

Yolshin, D.D. "Arkhitekturnyi tip Des'atinnoi tserkvi v Kieve: istoriografiia problem [Architectural Type of the Des'atinnaia Church in Kiev: Historiography of Problems]." In *Trudy Gosudarstvennogo Ehrmitazha* 53 (2010). P. 349–360 (in Russian).



Знак информационной продукции **16+**

Научное издание

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 2

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

«Н.Оріанда»™
ИП Пинчук А.В. 23 №008849391 от 15.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 24.09.2024. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

«Н.Оріанда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, а/я 13
Тел.: 8 (800) 505-15-19, 8 (3652) 60-49-19
E-mail: n-orianda@mail.ru; https://n-orianda.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма».
295034, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Кирова, д. 34, оф. 13.
Тел.: +7 (978) 725-35-78; Formacrimea@gmail.com



BYZANTINOTAURICA

2

ЖУРНАЛ
ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ